

С.В. Голикова
Н.А. Миненко
И.В. Побережников

**ИНТЕГРАЦИЯ АГРАРНОГО
ОКРУЖЕНИЯ В ЗАВОДСКОЕ
ПРОИЗВОДСТВО
(Урал и Западная Сибирь
XVIII — первой половины
XIX в.)**

Екатеринбург
1995

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ**

**С.В. Голикова
Н.А. Миненко
И.В. Побережников**

**ИНТЕГРАЦИЯ
АГРАРНОГО ОКРУЖЕНИЯ
В ЗАВОДСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО
(Урал и Западная Сибирь
XVIII — первой половины XIX в.)**

Банк Культурной информации

1995

ББК 9.3(2).5

Г 60

**Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 95—06—17225)**

ГОЛИКОВА С.В., МИНЕНКО Н.А., ПОБЕРЕЖНИКОВ И.В.
Интеграция аграрного окружения в заводское производство (Урал
и Западная Сибирь XVIII — первой половины XIX в.). Екатеринбург:
Банк культурной информации, 1995. — 54 стр.

**© Голикова С.В., Миненко Н.А.,
Побережников И.В., 1995**

ВВЕДЕНИЕ

К началу XVIII в. складываются предпосылки для ускоренного развития производительных сил Урала и Сибири. Социально-экономическая и политическая обстановка выдвигала, в частности, задачу освоения рудных богатств на востоке страны, создания здесь крупного горно-металлургического производства. Старые металлургические районы в центре и на севере европейской части России из-за слабой рудной и топливной базы не могли уже удовлетворять потребности страны в металле — его приходилось ввозить из Швеции. Между тем рудоискателями-любителями из числа крестьян, служилых и ясачных людей, жителей посада были обнаружены перспективные месторождения железа, меди, серебра на осваиваемых окраинах государства. При Петре I рудоискательству придается особое значение, причем главные разведки первоначально велись на Среднем Урале — области развитой мелкой железоделательной промышленностью. В марте 1700 г. на р.Нейве в Верхотурском уезде началось строительство казенного Невьянского (Федьковского) металлургического завода; почти одновременно в Тобольском уезде на р.Каменке, притоке Исети, стал воздвигаться Каменский завод. Невьянский завод строился два года, Каменский менее года. В 1702—1704 гг. на средства казны были построены еще два завода: Алапаевский и Уктусский. При активной роли центральной власти в заводское строительство на Урале втягиваются частные предприниматели. Указом от 8 марта 1702 г. Невьянский завод передается тульскому промышленнику Никите Демидову (Антуфьеву) — на условиях поставки в казну железа и разных воинских припасов.

Уже ближайшее будущее показало, что правительство Петра I поступило мудро, удовлетворив просьбу Демидова об отдаче ему завода на р.Нейве. Демидов значительно расширил и реконструировал предприятие, а с 1716 г. приступает к строительству новых заводов. К 1725 г. Демидову принадлежало на Урале 6 крупных металлургических предприятий — кроме Невьянского, Шуралинский, Быньговский, Верхнетагильский, Нижнелайский и Выйский заводы (5 предприятий черной металлургии и 1 — Выйский завод — медеплавильное)¹.

Дело Никиты Демидова продолжили его сыновья — Акинфий Никитич и Никита Никитич: к середине XVIII в. Демидовы имели свыше трех десятков заводов, из них подавляющая часть находилась на Урале. Уральские предприятия Демидовых давали к этому времени больше металла, чем казенные, хотя число последних на протяжении первой половины XVIII столетия также росло. К 1750 г. уральский металлургический район включал 27 казенных и 44 частных завода². Среди заводовладельцев были и купцы, и крупные вотчинники. Особую активность в заводском производстве Урала представители дво-

рянства проявляли с середины XVIII в. Из 109 горнозаводских предприятий, построенных здесь во второй половине XVIII в., казенными являлись только 6. Заметно расширилась со временем география уральской металлургии: строительство предприятий велось и на Северном, и на Южном Урале, а также в Вятской губернии. В начале XIX столетия насчитывалось 154 уральских чугуноплавильных, железоделательных и медеплавильных заводов, объединенных в 38 горнозаводских округов (115 — в Пермской губернии, 26 — в Оренбургской, 13 — в Вятской). При этом 24 завода были казенными, 78 посессионными и 52 вотчинными. Если к концу второго десятилетия XVIII в. Урал давал до 300 тысяч пудов металла в год, то к 1807 г. на частных предприятиях Урала ежегодно выплавлялось 6,5 млн пудов чугуна и 4,8 млн пудов стали, на казенных соответственно 163 млн и 720 тыс. пудов. Уральская металлургия к началу XIX в. поставляла также народному хозяйству около 1 млн 456 тыс. пудов меди в год³.

В XVIII в. формируется крупный горнозаводской район и в Западной Сибири, точнее — на Алтае, причем промышленная разработка алтайских руд началась по инициативе уральского промышленника А.Н.Демидова. В январе 1726 г. Демидов обратился в Берг-коллегию за разрешением строить заводы на Алтае, по рекам Алею и Чарышу, где его людьми еще в 1724 г. были “приисканы” залежи медных руд. Разрешение он получил. С 1729 г. начал действовать Колыванский медеплавильный завод, а с 1744 г. — Барнаульский. На алтайских заводах Демидова в год выплавлялось от нескольких сотен до нескольких тысяч пудов меди. Однако частная металлургия на Алтае не получила развития. Хотя в декабре 1735 г. был издан правительственный указ “о позволении заводов заводить партикулярным людям, дабы так богатый и полезный государственному интересу капитал в земле тунге не лежал” (имелись в виду рудные богатства Сибири), отклика он не нашел — никто, кроме Демидова, не хотел идти на риск и строить заводы на малоосвоенной пока окраине. Предприятия же Демидова в 1747 г., уже после смерти владельицы, императрица Елизавета Петровна “взяла на себя”; алтайский горнозаводской округ был передан под управление Кабинета с.и.в. (наследникам А.Н.Демидова выплатили из казны 40 тыс. руб.). Причиной послужила тайная выплавка Демидовым на его заводах серебра, о наличии которого в алтайских полиметаллических рудах предприимчивому промышленнику стало известно еще в 1720-х гг.⁴

В “кабинетский” период на Алтае развернулось оживленное заводское строительство: появились Павловский (1763—1764 гг.), Сузунский (1764—1765 гг.), Алейский (1774—1775 гг.), Локтевский (1783 г.), Гавриловский (1791 г.) заводы, на которых производились цветные металлы, главным образом, серебро и золото. За вторую

половину XVIII в. выплавка чистого серебра на Алтае выросла с 268 пуд. 28 фунт. до 1029 пуд. 19 фунт., а выплавка золота с 6 пуд. 21 фунт. до 21 пуд. 1 фунт. в год. Сырьевая база алтайской кабинетской промышленности расширялась за счет открытия новых рудных месторождений, в том числе таких крупных, как Салаирское, Риддерское, Зырянское, Снегиревское. Для снабжения алтайских рудников и заводов черным металлом в 1771 г. на р.Томь-Чумыш был построен Томский железоделательный завод⁵.

В первой половине XIX в. на Алтае появилось лишь 2 новых завода: в 1804—1805 гг. недалеко от Змеиногорского рудника был построен Змеевский сереброплавильный завод (в 1830—1850-х гг. он давал 20% всего алтайского серебра), а в 1816 г. на р.Бачат — Гурьевский завод, выдававший первоначально только серебро, затем серебро и железо, а с 1844 г. полностью переведенный на железоделательное производство. Объяснялось это тем, что Томский завод уже не справлялся с обеспечением кабинетского хозяйства черными металлами; увеличить его производительность нельзя было из-за слабости местной энергетической базы. На Томском заводе с 1840-х гг. сосредоточили производство стали, для чего использовали высококачественные магнетитовые руды Сухаринского месторождения. В 1851 г., например, здесь было выдано 350 пудов уклада, 50 пудов рафинированной стали и 1000 пудов цементной стали. На Гурьевском заводе в начале 1850-х гг. производилось около 16 тыс. пудов железа. На этом заводе оборудовали слесарный цех, выросший впоследствии в механическую фабрику, выпускавшую машины и части машин для всего алтайского горнозаводского округа.

Основными предприятиями цветной металлургии на Алтае в первой половине XIX в. являлись Барнаульский, Павловский, Сузунский и Змеевский. Главной продукцией было серебро: в начале XIX столетия ежегодно Алтай давал по 1154 пуда серебра, в дальнейшем — по 1000 пудов. Золота с 1800 по 1840 г. вообще не выплавлялось, а в последнем десятилетии рассматриваемого периода производили от 31 до 36 пудов в год.

Кроме того, на алтайских заводах имела место выплавка свинца и меди. Если в 1809 г. здесь получили всего 8758 пудов свинца, то в 1840—1850 гг. ежегодно производилось 40 тыс. пудов свинца. Выплавка меди, согласно штатам 1849 г., составляла 18 тыс. пудов в год⁶.

Уральская горнозаводская промышленность и в первой половине XIX в. развивалась более масштабными темпами. Ко времени реформы 1861 г. Урал оставался "главным центром горной промышленности"⁷. В первом десятилетии XIX в. ежегодно здесь производилось 7 млн 850 тыс. пудов чугуна и 5 млн 475 тыс. пудов железа; в 1858—1860 гг. ежегодная выплавка чугуна составляла 14 млн 850 тыс. пудов, а железа 9 млн 970 тыс. пудов. В 1860 г. уральские заводы произвели 71% обще-

русского чугуна, 78% железа, 89% меди; уральские золотые промыслы дали более 1/5 общероссийского золота.

При всем том приходится констатировать, что и Алтай, и Урал к середине XIX в. оставались в основном аграрными, "крестьянскими" регионами. Даже на территории Пермской губернии, сосредоточившей большую часть горнозаводских и металлообрабатывающих предприятий не только Урала, но и всей России, к 1850-м гг. из 2111550 жителей муж. пола 1419741 являлись крестьянами, причем 73,6% от этого числа составляли государственные крестьяне, 23,8% — вотчинные и 2,6% — удельные; горнозаводское население по численности стояло на втором месте (немногим более 23% от всех жителей). Если брать весь Урал, то к 1861 г. только около 10% его населения относилось к горнозаводскому "сословию"⁹. Правда, в данном случае не учтены заводские владельческие крестьяне, занятые на заводах, но надо иметь в виду, что общее число частновладельческих крестьян в уральских губерниях составляло лишь 262449 душ муж. пола. В Алтайском горном округе (до 1831 г. он официально именовался Колывано-Воскресенским) доля горнозаводского населения оказывалась еще меньшей. В целом по округу в 1858 г., например, в заводских селениях проживало всего 8,42% от общего количества жителей¹⁰.

Понятно, что в подобной ситуации развитие горнометаллургической промышленности во многом определялось тем, как складывались ее взаимоотношения с аграрной средой. С другой стороны, состояние и перспективы аграрного сектора на Урале и в Западной Сибири (на Алтае) не могли не зависеть от зародившегося и быстро крепнувшего крупного горнозаводского производства. Интеграция урало-сибирской деревни в это производство в рассматриваемое время осуществлялась как принудительно, так и добровольно. К моменту появления на Урале и в Западной Сибири металлургической мануфактуры здесь для этого не сложилось необходимых социально-демографических и экономических условий. Не было сколько-нибудь заметного рынка рабочей силы. Подавляющую массу местного населения составляли домохозяева, уверенно ориентированные на аграрное производство, тем более, что свободных и удобных для хлебопашества земель в новоосваиваемых регионах еще вполне хватало. Большой интерес в данном случае представляет свидетельство Никиты Демидова. В декабре 1702 г., объясняя представителю Сибирского приказа Винниусу, почему Невьянский завод не вышел на нужную мощность ("пушек, мортир и гаубиц не вылиты и прутowego железа малое число изготовлено"), Демидов ссылался на нехватку рабочей силы, на "сибирскую необычность" "к тем железным заводам". Желających наняться на Невьянский завод "плотников и работников" оказалось мало, да и платить им пришлось большие деньги: "Работники наниманы по два алтына по

четыре деньги на день, а плотники по три алтына по две деньги, и таких работников и плотников в Руси дорогих нет” — рабочие центра привыкли работать за низкую плату. Верхотурские жители (“сибиряки”), по утверждению промышленника, не только сами требовали завышенной платы, но и подавали нежелательный пример присхавшим из центра “русским плотникам”, которые, “смотря на их сибирскую цену, имали и по пяти алтын на день, потому что они к заводам навичные”. “А впредь, — заключал Демидов, — сибирские плотники и работники не надежны, потому что милосердием Божиим перед русскими в Сибири хлеб вельми родитца и скоту довольно, и живут на воле, пашни и лугов по русскому не нанимают, и государевы поборы против русских с них лехчая. И затем, коли которой придет наняться поработать, и они работают дни по два и по три, то и много, что неделю, и тут ко всякому надобно приставник, а бес приставника ничего не работает. А буде которого за худую работу молвишь жестокое слово, и он и с полудни, покинув работу, пойдет”¹¹.

Лишь для части русского населения Урала добыча руды и выработка железа к началу XVIII в. стали привычным делом. Русским же колонистам юга Западной Сибири, где в XVIII столетии возник второй по масштабам в стране (после Урала) горнометаллургический район, эти промыслы вообще были не известны. Поэтому, если на Урале металлургическая мануфактура в начальный период еще могла в какой-то степени опереться на кадры местных рудокопов и рудоплавильщиков¹², то на Алтае А.Н.Демидов оказался в худшей ситуации: нанимать здесь удавалось лишь беглых людей. Правительство легализовало эту практику и приняло меры по закреплению беглецов на новом месте — указ от 12 ноября 1736 г., в частности, позволял Демидову оставлять на уральских и алтайских заводах пришлых и беглых государственных, монастырских и помещичьих крестьян, обучившихся мастерству; указом от 29 марта 1738 г. этим людям предписывалось быть при демидовских заводах “вечно”¹³. В роли учителей и наставников выступали мастеровые, которых Демидову пришлось переводить на Алтай с собственных Невьянского и других уральских заводов. Присылались по его просьбе в Колывано-Воскресенский округ и рабочие с казенного Екатеринбургского завода¹⁴.

Однако главной мерой, позволившей добиться решения кадровой проблемы в горнозаводской промышленности и Сибири, и Урала в XVIII в., явилась массовая приписка к мануфактурам местного сельского населения, в основном государственных крестьян. На приписных крестьян были возложены разнообразные вспомогательные работы на заводах: рубка леса на дрова и уголь, выжиг угля в заводских куренях, добыча руды, извести, сплав леса по рекам, доставка предприятиям угля, дров и лесных материалов и пр. Приписная деревня, в полном

объеме сохраняя свои аграрные функции, вместе с тем волею властей была насильственно интегрирована в заводское производство; она стала одним из важнейших компонентов промышленного развития восточных районов Российского государства. Приписным крестьянам приходилось выполнять при заводах различные дополнительные обязанности: обеспечивать их охрану (в частности, на Урале в первой половине XVIII в. из них формировали временные “казахьи” отряды), поставлять заводскому населению продовольствие и др. Кроме того, приписная деревня через рекрутские наборы поставляла на заводы кадры рабочих людей и мастеровых. Первоначально эта практика была опробована на Урале (указом Сената от 14 июля 1725 г. предписывалось рекрутов из приписных крестьян направлять не в армию, а “в заводские работы и обучать всякому мастерству”), а затем распространена и на Западную Сибирь¹⁵.

Насильственная интеграция урало-сибирской деревни в горнозаводское производство послужила источником многочисленных конфликтов между ее населением и заводами; “освободительная война”, начатая крестьянами после приписки к мануфактурам с владельцами последних и горнозаводским начальством, не прекращалась ни на один день: менялись на разных этапах лишь ее интенсивность и формы. Приписка не могла не привести к серьезным переменам во внутренней жизни деревни: в демографической ситуации, деятельности институтов самоуправления, духовной сфере и пр. Отчасти это уже показано в работах историков, посвященных приписным крестьянам¹⁶. Однако приходится констатировать наличие в историографии проблемы существенных расхождений в оценках социального статуса приписных крестьян (одни специалисты сближают их с помещичьими крестьянами, другие — с дворцовыми, третьи признают за ними сохранение статуса государственных) и тех изменений, которые повлекла за собой приписка и в самом горнозаводском производстве, и в его аграрном окружении. Необходим в данном случае дополнительный микроисторический анализ, с акцентированием внимания на процессы, происходившие на уровне завода, крестьянской общины, домохозяйства, семьи. При этом перспективным представляется сопоставление материала по Уралу и Западной Сибири: сравнительное изучение всегда приводило к обогащению исторического знания.

Кроме того, интеграция в заводское производство не распространялась только на приписную деревню; процессы эти, как показывают уже проведенные исследования¹⁷, захватили и другие сферы аграрного окружения. Причем их интеграция в промышленность осуществлялась естественным путем, в основном на добровольных началах. Сравнительный анализ на этом направлении позволит, в частности, полнее представить роль абсолютистского государства в развитии

взаимоотношений между промышленностью и сельским хозяйством в дореформенный период.

В предлагаемой работе авторы обобщают некоторые результаты изучения интеграции аграрной сферы в горнозаводское производство Урала и Западной Сибири в условиях доиндустриальной модернизации (XVIII — первая половина XIX в.)¹⁸. Предполагается, что эти результаты получат свое развитие в дальнейшем в специальной монографии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв. М.; Л., 1949. Т. 1. С.8—166; История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 259—264; Смирнов С.С. Приписные крестьяне Урала в XVIII — начале XIX в. Челябинск, 1993. С. 76.
- ² История Урала... С. 264—270.
- ³ Там же. С. 271—274; Сигов С.П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936. С. 18—22.
- ⁴ Карпенко З.Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700—1860 годах. Новосибирск, 1963. С. 47—48, 57—59; История Сибири. Л., 1968. Т. 2. С. 228—232.
- ⁵ Карпенко З.Г. Горная и металлургическая промышленность... С. 68—70; История Сибири. Т. 2. С.232—235; Агапова Т.И., Изгачев В.Г., Карпенко З.Г., Романов В.В. Сибирская горно-металлургическая промышленность и предприятия Кабинета в XVIII — середине XIX в. // Промышленность Сибири в феодальную эпоху (конец XVI — середина XIX в.). Новосибирск, 1982. С.76—77.
- ⁶ Карпенко З.Г. Горная и металлургическая промышленность... С. 114—121, 124—131; История Сибири. Т. 2. С.385—387.
- ⁷ История Урала в период капитализма. М., 1990. С.68.
- ⁸ Там же. С. 39; История Урала с древнейших времен... С.405.
- ⁹ Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. М., 1967. Т. 1. С. 311—329; Площевский Б.Г. Имущественное и социальное расслоение крестьянства губерний Большого Урала в 1-й половине XIX века // Проблемы социально-экономического развития деревни Среднего Поволжья в период феодализма. Казань, 1986. С. 90.
- ¹⁰ Томская губерния. Список населенных мест. СПб., 1868. С. 1—XIX.
- ¹¹ Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых... С. 117—118.
- ¹² Там же. С. 20, 35, 49—51; Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М., 1972. С. 226; РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 682. Л. 43.
- ¹³ ПСЗ. Первое собрание. Т. 10. № 7548.
- ¹⁴ Карпенко З.Г. Горная и металлургическая промышленность... С. 50, 52.
- ¹⁵ ПСЗ. Первое собрание. Т. 7. № 4736; Булыгин Ю.С. Приписное крестьянство как источник формирования рабочих кадров Колывано-Воскресенских горных заводов (XVIII век) // Промышленность Сибири и ее кадры (конец XVI — начало XX в.). Новосибирск, 1977. С. 89—94.

- ¹⁶ См., например: Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965; Жидков Г.П. Экономика кабинетской деревни Западной Сибири накануне реформы // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX вв.). Новосибирск, 1968. С. 210—224; Жеравина А.Н. Очерки по истории приписных крестьян кабинетского хозяйства в Сибири (вторая половина XVIII — первая половина XIX вв.). Томск, 1985; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982; Смирнов С.С. Приписные крестьяне на горных заводах Урала. Челябинск, 1994 и др.
- ¹⁷ См.: Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в.; История Сибири. Т. 2; История Урала с древнейших времен...; Мамсик Т.С. Хозяйственное освоение Южной Сибири: механизмы формирования и функционирования агропромышленной структуры. Новосибирск, 1989; Деревня и город Урала в эпоху феодализма: проблема взаимодействия. Свердловск, 1986; Крестьянство Сибири...; Миненко Н.А., Побережников И.В. Горно-металлургическая промышленность и крестьянство Урала в XVIII — начале XIX вв. // Металлургические заводы и крестьянство. Екатеринбург, 1992. С. 121—143 и др.
- ¹⁸ См.: Красильщиков В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 44—46.

ИЗМЕНЕНИЯ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ УКЛАДЕ КРЕСТЬЯНСТВА

Зарождение и развитие на Урале и в Западной Сибири крупного горнозаводского производства привело к существенным переменам в хозяйственном укладе местного крестьянства. Прежде всего возникал новый рынок сбыта сельскохозяйственной продукции. Постоянным работникам рудников и заводов нужны были в большом количестве мука, крупа, мясо и пр. Первоначально имели место попытки заставить крестьян доставлять сельскохозяйственную продукцию на мануфактуры в порядке отбывания повинностей. Например, первым мастерам, приехавшим на Урал в 1700 г., полагалось хлебное жалованье “с ближних слобод”, и верхотурский воевода обязывался доставить в срок 420 четвертей ржи и овса¹. Но в итоге на Урале уже в первой половине XVIII в. снабжение рабочих людей хлебом осуществлялось сельскими жителями за деньги. На юге Западной Сибири властями для кабинетских приписных крестьян были установлены принудительные поставки хлеба по регламентированным ценам. Например, согласно разнарядке на 1759 г., крестьяне Бийского ведомства обязывались поставлять по 12 пудов зерна с каждой души муж. пола. Уже к 1764 г. норма сократилась до 4 с небольшим пуда с души, хотя потребности алтайских заводов в хлебе росли². К 80-м гг. XVIII в., с развитием вольной продажи хлеба, и в Колывано-Воскресенском округе обязательные продовольственные поставки были отменены.

С одной стороны, заводское начальство, заводовладельцы производили закупки хлеба в деревнях через специальных агентов или местных управителей. При этом предписывалось “заготавливать покупкою... где дешевле сыскатца может”, по самым низким из рыночных цен³. Для привлечения крестьян-хлебопродавцев практиковалась выдача денег авансом. Однако приписные хлебопашцы старались не продешевить и вынуждали промышленников и горнозаводское начальство приобретать у них муку и крупы “самою настоящею ценою”. На Алтае заводам пришлось столкнуться с конкуренцией подрядчиков и агентов, закупавших у крестьян хлеб для вооруженных сил пограничных линий. Например, в 1788 г. все заводские конторы доносили в Колыванскую горную экспедицию, что “посланными закупщиками по дороговизне хлеба нисколько не куплено” — цены вздули агенты от войска⁴. Горнозаводские власти, частные заводовладельцы учреждали хлебозапасные магазины, чтобы предупредить возможные осложнения с продовольствием. Так, в декабре 1734 г. Главное правление Сибирских и Казанских заводов определило: поскольку в Екатеринбурге “в магазине правянта в наличии и запасе имеетца самое малое число... и ради того, что в распутицу и летом оногo в привозе почти не бывает, а

мастеровые люди, обретающиеся при заводах, за малым ныне привозом хлеба запастись... не могут", управителям Каменского, Крутихинского, Камышловского и Алапаевского дистриктов закупить каждому по 1000 четвертей ржи, овса и ячменя на казенные деньги, "настоящею ценою", у крестьян и доставить в екатеринбургский магазин. Крутихинский управитель 23 января 1735 г. докладывал, что ячменя и овса в местных слободах и деревнях в продаже "не явилось", а за рожь крестьяне просят по 74 коп. за четверть, и спрашивал, покупать ли по такой высокой цене⁵. Н.А.Демидов в начале 1760-х гг. имел собственные магазины в Далматове, где хранился хлеб, закупленный у Далматовского монастыря и местных крестьян на нужды его заводов⁶.

Со временем возрастает роль поставщиков продовольствия из числа крестьян — они сами привозили хлеб, мясо и пр. на продажу заводским жителям. До отмены внутренних таможен власти, поощряя крестьян к этому, освобождали их от уплаты пошлин. В ноябре 1734 г. приписные крестьяне Аника Хорков (из Новопышминской слободы) и Матвей Казанцев (из Калиновской слободы) сообщали в Канцелярию Главного правления казенных заводов, что на пути в Екатеринбург, куда они везли на продажу продукты, целовальники потребовали с них пошлины: с Хоркова за воз овса две копейки, а с Казанцева за шесть возов ржаной муки и солода шесть алтын. "А по указу, — жаловались крестьяне, — ... с таких харчевых припасов пошлин брать не велено"⁷. М.М.Громыко пришла к выводу, что и в Колывано-Воскресенском горном округе "активизации вольной торговли хлебом" содействовало в первые годы существования кабинетских заводов "полное отсутствие пошлин"⁸.

Чтобы больше хлеба поступало на казенные заводы, уральское горнозаводское начальство пыталось воспрепятствовать свободной торговле приписных крестьян на частных заводах. Так, А.Демидов добился появления именного указа от 12 ноября 1736 г., которым предписывалось не запрещать никому, кто "из слобод хлеб на продажу" на его заводы "похочет возить", делать это. Однако, по сообщению Демидова, "заставщики ведомства екатеринбургских казенных заводов" продолжали препятствовать проезду крестьян на демидовские заводы, отчего приключилась "великая скудость" в хлебе, и многие мастеровые от голода "разбегались" по разным местам. Государственный Генералберг-директориум распоряжением от 11 февраля 1737 г. (в ответ на жалобу Демидова) потребовал, чтобы был обеспечен свободный доступ на его заводы "охотникам" - хлебопродавцам, в том числе из приписных к казенным заводам крестьян⁹.

По подсчетам А.С.Черкасовой, в середине XVIII в. только для Нижнетагильского завода Демидова требовалось в год около 100 тыс. пудов хлеба. Имеются сведения о годовой потребности в хлебе в это

время на казенных заводах Урала. Например, Кушвинскому заводу для пропитания заводского населения требовалось 18 тыс. пудов, Туринскому 12,5 тыс., Полевскому 15880 пудов, Верх-Исетскому 10 тыс. пудов, Баранчинскому 8904 пуда, Каменскому 2322 пуда, заводу императрицы Анны 13061 пуд¹⁰.

Окрестным крестьянам оказывалось не под силу удовлетворить нужды уральских заводов в продовольствии, поэтому уже в первой половине XVIII в. на заводском рынке появляются жители из отдаленных земледельческих районов. Во второй половине столетия это становится привычной практикой. Количество хлебопродавцов с трудом поддается учету, поскольку нередко крестьяне обходились без увольнительных видов и паспортов. Камышловский крестьянин С.А.Иванов рассказывал (1797 г.), что “за две недели до Сырной недели” поехали они с братом “для продажи собственного своего хлеба без всякого письменного и печатного вида”, и “по продаже хлеба на Нижно-Тагильском заводе” он “обратился в дом свой”. Также поступили жители той же Камышловской округи Д.А. Иванов со своим племянником¹¹.

А.Третьяков в описании Шадринского уезда (середина XIX в.) заявлял, имея в виду Пермскую губернию: “Здесь — главная житница края; земледелие в цветущем состоянии; отселе большею частию продовольствуются хлебом заводы хребта Уральского”¹². Его слова подтверждает Т.Успенский, писавший в то же время, что и Третьяков. По данным Успенского, в Екатеринбурге шадринские крестьяне получали за хлеб при продаже “от 5 до 6 коп. с пуда более противу местных (шадринских — Авт.) цен”. Многие земледельцы Шадринского уезда, “измолотив с осени четвертую часть своего свежего хлеба”, везли зерно в Екатеринбург. “Продавши здесь свой товар, — пишет Успенский, — делают складчину и вдвоем или втроем покупают деревянной, муравленой и полуфаянсовой посуды. Потом эту посуду возят по деревням, променивая ее на мерлушки, щетину и т.д. Наконец, весь наборный свой товар сдают оптом или шадринским купцам или зажиточным подгородным крестьянам”. Таким образом, наличие заводского хлебного рынка способствовало втягиванию крестьян и в посредническую торговлю. Большими партиями в Шадринском уезде, по утверждению Успенского, закупалась для уральских заводов говядина¹³. Этот факт нашел отражение даже в местном фольклоре. Так, А.Н.Зырянов приводит записанную им в первой половине XIX в. со слов шадринских крестьян “сказку” “Продавец говядины”: “В Верхозиной, на яру, на прекрасном берегу, жил-был Яков Скоблин — маркитант восподин. По всякой год скота бьет, а на дому свежину не продает; жестоко божится, со своей свежиной дорожится. Ах, вы, братцы, удалые молодцы! Чем мне на дому свежину продавать, по три денешки у пуда накладу принимать, и

лучше мне в город Екатеринбург представлять. Милой мой сын Панфил! Надевай на себя серой кафтан, и садись на белова меренишка, поезжай ты в стару слободу Таловску за подводчиками, за подрядчиками... и подводчики и подрядчики склались, скрутились, в город Екатеринбург покатались. Приехали оне в город Екатеринбург, склали оне свежину в кучи. Яков Скоблин-маркитант восподин сел на кучу, стал глаза пучить... и тут торговля и выручка очинно великая пошла"¹⁴.

Герой этой "сказки", бытующей в шадринских деревнях, забивает для продажи скот, закупленный на стороне. Такие скупщики-продавцы были и в других уездах. Так, в 40-х гг. XIX в. крупные партии говядины и живого скота на заводы поставляли жители дер. Пии Меркушинской волости Верхотурского уезда Василий и Егор Постниковы¹⁵. Большую роль также играли скупщики в хлебной торговле на Урале. Уже в первой половине XVIII в. снабжение местных заводов хлебом в немалой степени зависело от скупщиков¹⁶. "Зажиточная верхушка крестьянства Пермской губернии широко включалась в торговлю хлебом, необходимым для пропитания "горнозаводских людей", горожан и воинских частей", — пишет историк Б.Г.Плющевский¹⁷. В Вятской губернии в 1830-х гг. действовало не менее 500 крестьян-скупщиков¹⁸.

На Алтае в XVIII в. скупщики предпочитали работать на армию, и горнозаводское начальство пыталось ограничить их деятельность в приписной деревне. В 1764 г. колывано-воскресенские власти констатировали, что бравшие подряды на поставку хлеба для вооруженных сил скупщики "в Берской, Малышевской и Белоярской слободах и, подъезжая в близости к заводам, у крестьян" покупают хлеб "не менее как двойной ценою". В результате привоз муки и круп на заводы "на вольную продажу" "вдруг пресекался". Колывано-Воскресенская канцелярия предписывала управителям и старостам наблюдать, чтобы крестьяне свой хлеб "скупщикам и перекупщикам... отнюдь не продавали"¹⁹. Ориентировочный объем хлеба, необходимый для пропитания населения горнозаводских поселков юга Западной Сибири, по подсчетам М.М. Громько, к 90-м гг. XVIII в. составлял 85 700 четвертей²⁰. Здесь к концу XVIII в. заводская администрация резко сокращает организованные закупки муки, круп, зерна, исходя из мнения, что основная масса работников может приобретать их у "вольных продавцов" из крестьян. Местная приписная деревня к этому времени успешно справлялась со снабжением сельскохозяйственными продуктами всех заводских и рудниковых поселков. Потребляемый горнозаводским населением хлеб составлял около 13% валового сбора с алтайских пашен²¹.

Обилие свободной, пригодной для хлебопашества земли создавало на территории Колывано-Воскресенского горного округа благоприятные условия для расширения пахотных площадей, роста товарности крестьянского хозяйства. Растущий спрос со стороны заводов на продукты скотоводства способствовал успешному развитию и этой отрасли. Первоначально закупка в деревнях мяса, сала, кож на нужды мастеровых и служащих была возложена горнозаводским начальством Алтая на жителей посадов, образовывавшихся вокруг заводов и рудников. С 1779 г. здесь ввели систему контрактного маркитанства. Маркитанты-подрядчики брали на себя обеспечение заводов и рудников (с их работниками) продукцией скотоводства. В.Н. Разгоном выявлено 149 торговцев, занимавшихся маркитанством на Алтае во второй половине XVIII — первой половине XIX в. (81% составляли торгующие мещане и купцы, 7% — заводские служащие, 8% — крестьяне). По условиям контрактов другим торговцам продажа мяса в селениях при рудниках и заводах запрещалась — исключение делалось лишь для крестьян, привозивших мясо “собственного, а не перекупного скота”. У крестьян Алтая в первой половине XIX в. скот закупался для выгона на продажу в городах и горнозаводских поселках Урала²².

Наличие надежного рынка сбыта сельскохозяйственной продукции (заводы и рудники с поселками при них), сибирское многоземелье, в том числе обилие прекрасных пастбищ, и, вместе с тем, особенности естественно-географических условий различных районов на территории Алтайского округа обусловили территориальную специализацию местного сельскохозяйственного производства. Темпы роста товарности сельского хозяйства Алтая в первой половине XIX в. опережали показатели центральных губерний страны. Так, если к середине XIX в., по расчетам В.К. Яцунского, товарный хлеб составлял 17% от чистого сбора центра России, то в валовом сборе алтайской приписной деревни он в среднем составлял: в 1812—1820 гг. — 18,5%, в 1821—1830 гг. 20,8%, в 1831—1840 гг. — 22,4%²³.

Значение заводского рынка для алтайского земледелия оказывалось, несомненно, большим, чем для уральского. Уральские крестьяне имели лучшие возможности выхода на рынки городов центра и северо-запада страны, а также зарубежья (вятский крестьянин-купец Анфилов, чье состояние выросло на перепродаже хлеба, торговал даже с Америкой) — по водным путям сообщения. Значительная доля крестьянского хлеба из уральского региона уходила в центральные губернии и за границу²⁴. Между тем проблема снабжения уральских заводов продовольствием и в первой половине XIX в. не всегда решалась успешно. Мастеровые Кыштымских заводов в 1822 г. жаловались, что они живут впроголодь, “в течение месяца несколько раз не достает хлеба ни на обед, ни на ужин, а квасу и вовсе не из чего делать”.

Заводское начальство не побеспокоилось о своевременной закупке необходимого количества продовольствия, а для покупки хлеба на рынке мастеровым надо было ехать на деревенские базары за 80—100 верст от Кыштыма. В результате начались волнения горнозаводских людей, принявшие столь острый характер, что власти потребовали от владельца заводов Расторгуева позаботиться “о непременном удовлетворении кыштымских мастеровых и работных людей недодавшими им заработанными деньгами и о скорейшем заготовлении в нужном количестве провианта”²⁵. Вообще на Урале до конца рассматриваемого периода снабжение заводских людей хлебом было делом заводовладельцев и горнозаводской администрации. Заводские конторы заключали с крестьянами договоры на поставки зерна и муки, выдавая под это денежные авансы. Случалось, подрядчики не выполняли принятых обязательств. Так, крестьянин Глинской волости Верхотурского уезда Т.Чепчугов получил в 1813 г. от Кушвинской заводской конторы “в задаток” 450 руб., обязавшись поставить на завод 1500 пудов ржи. Однако и к лету следующего года Чепчугов последнего не сделал, как он сам объяснял, от “недостаточества своего”. Земляк Чепчугова Д.Леонтьев заключил подряд на поставку Кушвинскому заводу 300 пудов ржаной муки (получил от конторы 30 руб. аванса), но уехал надолго в Нижний Тагил “в повольную работу” и тоже оказался в заводских должниках²⁶. Не удивительно, что горнозаводские власти предпочитали покупать хлеб из первых земледельческих рук через своих комиссионеров. О Туринском округе местный священник М.Попов писал: “Еще не наступила зима, и хлеб немолочен, как уже ездят по деревням с заводов и задают вперед деньги по цене, вообще выгодной для производителей и редко с доставкой; хлеб большею частию на месте продается, без доставки; только для Ирбити покупают с доставкой”²⁷. Такая практика была в конце рассматриваемого периода широко распространена на горнозаводском Урале²⁸.

С одной стороны, таким образом развитие горнометаллургической промышленности сопровождалось позитивными переменами в местном земледелии и животноводстве. На уральских железоделательных заводах, кстати, развернулось изготовление усовершенствованной сельскохозяйственной техники. Акинфий Демидов в сентябре 1735 г. пустил на Урале “косную водяную фабрику”. В компаньоны для эксплуатации этой фабрики он принял своего зятя, Тульской оружейной слободы кузнеца Федора Владимировича. Для делания кос были выписаны из Пруссии “косной обер-мастер и мастер”. Первые косы не нашли спроса из-за их “нсобыкновенного фасона”, и компаньоны вместо ожидаемой прибыли получили “вящий убыток”. Со временем, однако, дело наладилось. В доношениях, поданных в конце 1736 и начале 1737 гг. в Генерал-берг-директориум, Демидов просил освободить его зятя от

служб и постоев, а продажу кос от сбора внутренних пошлин сроком на 10 лет, обосновывая это, в частности, тем, что ни у кого другого косной фабрики “в России не имеется”. Видимо, изготавливаемые компаньонами косы скоро стали пользоваться столь большим спросом, что А.Демидов заводит “для славы Российской империи и всенародной пользы” еще одну косную фабрику вблизи Лайского завода²⁹.

Со временем (в 1808 г.) началась выделка кос на Артинском казенном заводе, относившемся к Златоустовскому горному округу. Артинский железоделательный завод был основан в 1782 г. После того, как на нем удалось наладить производство высококачественной литой стали, косы стали изготавливаться из нее. Такие косы по качеству не уступали заграничным, даже превосходили заграничные (как показали испытания в Московском обществе сельского хозяйства и в Петербургском удельном земледельческом училище) по своей закалке и остроте. Эти большие златоустовские косы были известны также под названием аносовских³⁰.

На уральских железоделательных заводах изготавливались и другие необходимые хлебопашцам орудия. Заводские кузнецы стали создателями лемеха, курашимки, чегандинки и других однородных с ними однозубых сох с брылой, имевших пята — зачаточный полоз и поэтому более устойчивых, чем обычные сохи. Особое распространение получила курашимка, изобретенная кузнецом Н.Н.Паюсовым на Курашимском заводе. Усовершенствованные сохи пахали глубже и брали пласт шире, чем обычные сохи, лучше истребляли сорные травы и разрыхляли землю, были более производительны³¹. На заводах изготавливались также серпы, ральники и пр. Крестьяне покупали их на заводских и городских торжках; было распространено и изготовление сельскохозяйственных орудий заводчанами (данные начала XIX в.) по заказу³².

Доступность металла, приобретаемого крестьянами на заводах, стимулировала производство сельскохозяйственного инвентаря в самой деревне. В источниках XVIII в. встречаются указания на то, что сельские кузнецы на Урале сошники, серпы, косы и пр. “куют из покупного железа и укладу”³³. Н.А.Демидов в ноябре 1761 г. напоминал Нижне-Тагильской заводской конторе о необходимости “приваживать” на завод для торговли “слободских посторонних крестьян” продажей им здесь железа. При Нижне-Тагильском заводе крестьяне покупали уклад и различные сорта железа: полосное, связанное, стропильное, плющильное, колесное, подковное, резное, кровельное. Издавна велась продажа железа крестьянам и при Невьянском заводе. Крупные центры сбыта уральского металла имелись в Екатеринбурге и в других местах³⁴. Приписным крестьянам Алтайского округа отпускалось железо с Томского завода³⁵.

Вместе с тем близость заводов сказывалась и негативно на сельскохозяйственном производстве. Крестьяне, приписанные к горнометаллургическим предприятиям, должны были регулярно работать на них. Заводские отработки отнимали у земледельцев много времени, в том числе в период полевых занятий. Сохранилась масса жалоб приписных крестьян, в которых говорилось, что из-за работ на заводах они не успевают вовремя засеять поля, убрать хлеб и пр. Например, крестьяне, приписанные к Каслинскому и Кыштымским заводам Н.Н.Демидова, в 1761 г. писали: "... по отлучке от домов своих в заводские работы, оставались только одни жены с малолетними детьми, со старыми и дряхлыми и работать не могущими людьми, кои не только под посев в весеннее время ярового, а в осеннее озимового, землю спяхать и хлеба посеять, но и посевной хлеб с поля с превеликою нуждою едва убрали...". Крестьяне Красноуфимского уезда в одном из прошений, поданном на имя царя в 1807 г., заявляли, что из-за заводских отработок "многие лишаются уже хлебопашества, сенокосения и всех домашних работ"³⁶. "Общества" приписных крестьян Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа не раз протестовали против длительного отрыва работников от их домохозяйств в связи с заводскими отработками, "отчего у семейных земледельчество безвозвратно умалется, а одинокие и вовсе принуждены оного лишиться"³⁷.

Сами власти подтверждали правоту крестьян. Так, в феврале 1775 г. в донесении в Сенат М.Ф.Соймонов писал: "Заводские конторы, не получая полного по наряду числа крестьян по сысканию приводят их в работы в такое уже время, которое для собственного их хлебопашества, или, оставляя участки их в недоработке до другого года, принуждают исправлять уже двойную пропорцию противу учреждения заводских работ, непременно с тягостением и с потеряннем удобного времени при домашних работах касательно до их хлебопашества, а иногда принуждены нанимать других за себя зарабатывать заводские работы столь дорогими ценами, которые и зажиточного крестьянина в совершенную нищету привести могут"³⁸. Начальники Екатеринбургского и Пермских горных начальств признавали, что "жесткость" уральского климата не позволяет крестьянину "исправить" положенный объем работ на заводе за то время, "в которое он бывает свободен от работ земледельческих"³⁹. В особенно трудном положении оказывались те земледельцы, которые жили далеко от заводов, за 150 и более верст, вынужденные много времени тратить на дорогу.

В 1779 г. Екатерина II в своем манифесте внесла некоторые позитивные коррективы в действующую приписную систему: значительно сокращался перечень выполняемых крестьянами на заводах работ, вдвое по сравнению с 1724 г. увеличивались расценки (по которым заводы расплачивались с крестьянами за их отработки), уста-

навливались фиксированные сроки начала и окончания работ. С.С.Смирнов сопоставил график сельскохозяйственных полевых занятий в земледельческом Красноуфимском уезде со сроками заводских отработок, введенными манифестом 1779 г., и пришел к выводу, что у приписных крестьян отныне оказывалось "достаточно времени для летне-осенних полевых работ". Что же касается весенней страды, то между ее началом и окончанием рубки крестьянами для заводов куренных дров и возки грузов, включая затраченное на дорогу время, у тех, кто жил за 150—300 верст от заводов, почти не было перерыва, а те, кто жил далее 300 верст от заводов, даже не успевали в срок возвратиться домой. "И уж тем более, — заключает Смирнов, — у большинства отработчиков не оставалось времени на восстановление сил у загнанных на заводской работе лошадей. Все это отрицательно сказывалось на качестве обработки полей и урожайности хлебов"⁴⁰.

На Алтае, где расстояния оказывались еще более впечатляющими, заводская повинность совсем плохо вписывалась в крестьянский календарь. Выход из сложившейся ситуации нашла сама деревня: и на Урале, и на Алтае распространилась практика найма крестьянами для заводских отработок "охотников"-добровольцев. Например, на Алтае в 40-х гг. XIX в. около одной трети приписных крестьян, а накануне реформы 1861 г. более половины прибегали к найму работников для исполнения заводской повинности⁴¹. Впрочем отработка этой повинности наемщиками была частым явлением уже в первой половине XVIII в. При этом наемщиками становились прежде всего те из деревенских жителей, кто и прежде не занимался земледелием или кого успела разорить заводская "барщина". Следует отметить, что наемному работнику, как правило, выплачивались большие суммы (в указе, разосланном из казенного департамента Колыванской области по заводским конторам, в частности, говорилось: приписные крестьяне, "нанимая между собой работников за положенные на них по числу подушного оклада работы, платят цены вчетверо и более окладов"⁴²). Поэтому немало находилось и состоятельных людей, которые перенимали на себя заводские обязанности приписных крестьян и хорошо на этом зарабатывали. Так, жители наиболее удаленных от заводов и рудников волостей на Алтае, предпочитавшие развивать товарное земледелие, обычно нанимали за себя на отработки крестьян центральной и южной зоны горного округа. Из южных волостей, специализирующихся прежде всего на скотоводстве, немало вышло богачей-предпринимателей. Предпринимателями в систему заводских отработок внедряются элементы подряда: они заключали договоры с крестьянскими общинами о выполнении за большое количество ревизских душ тех или иных видов работ (например, перевозки на заводы руды, угля), сами уже нанимали для этого людей. При этом

крестьяне-наниматели платили подрядчикам в 12—18, а иногда и в 30—35 раз больше того, что они сами могли бы получить за ту же работу от заводов⁴³.

Влияние заводов проявлялось и в том, что многие крестьяне добровольно стали подрабатывать на заводах, иногда сокращая посевы. К 1803 г., по данным С.С.Смирнова, в приписных селениях Екатеринбургского, Красноуфимского, Кунгурского, Ирбитского и Верхотурского уездов земледелие в хозяйственной деятельности крестьян отступает на второй план. Основой сельского хозяйства у местных крестьян становится животноводство, которое оставляло достаточно времени и для заводских отработок, и для дополнительной работы на заводах уже на началах вольного найма⁴⁴. На Алтае уже во второй половине XVIII в. значительная часть приписных крестьян “упражнялась” в свободной время, “по окончании своего земледелия и убрания в полях посеянного хлеба, также и возложенных на них заводских работ”, в “вольной” перевозке руды, угля, “других тягостей”, получая за это от заводов плату⁴⁵. Уральские приписные крестьяне начали подрабатывать на заводах извозом в широких масштабах еще раньше. Некоторые заключали крупные сделки на перевозки грузов. Например, в декабре 1737 г. житель Каменской слободы С.Харчевников “договорился подрядом свезть чюгуна 30 тысяч пуд с Каменского на завод императрицы Анны ценою по 9 рублей по 69 копеек с тысячи пуд”⁴⁶. Н.С.Попов, составивший в начале XIX в. описание Пермской губернии, констатировал, что хорошо обеспеченные рабочим скотом крестьянские хозяйства получали огромные доходы. “Такой крестьянин, — пишет Попов, — ...продавая излишки, сам работает неусыпно со своим семейством и быстро богатеет, особенно если не забудет зимой отправить своих лошадей для возки руд, металлов, купеческой клади...”⁴⁷.

Вольных возчиков нанимали как на казенные, так и на частные заводы. Например, в январе 1801 г. железо с частного Быньговского завода на Шайтанскую пристань возили за плату “в знатном количестве околных селений государственные крестьяне”⁴⁸. К середине XIX в. занятие извозом и в уральской, и в алтайской деревне приобрело широкий размах. Немало крестьян сдавало лошадей внаем для перевозки грузов на заводы и с заводов. В извозном промысле прочно утвердилась подрядная форма найма⁴⁹.

Вообще под влиянием заводов в крестьянском хозяйстве возрастало значение разного рода промысловых занятий. Из деревень на заводские рынки везли на продажу холст, кожи, деревянную и глиняную посуду, рогожи, телеги и сани, крестьянские сукна и пр. Одновременно должно было развиваться производство этих товаров. Палата государственных имуществ Пермской губернии в середине XIX в. констатировала, что “многие из крестьян занимались в домах своих приготовлением до-

машинных сукон, обуви, кошмы и прочего примерно на сумму до 35 тыс. руб.⁵⁰. В 50—60-е гг. XIX в. в Пермской губернии насчитывалось до 28 видов крестьянских промыслов, причем весьма широко они были развиты в таких округах, как Екатеринбургский, Верхотурский, Пермский, Кунгурский⁵¹. Некоторые зажиточные крестьяне заводят собственные предприятия. В частности в д. Шарташ близ Екатеринбурга во второй половине XVIII в. возникают крестьянские кожевенные, мыловаренные и другие заводы. Владельцы их закупали скот в селениях Шадринского, Челябинского, Ялуторовского, Курганского и других уездов, перегоняли его в Шарташ, где затем забивали, изготовляли из полученного сырья кожи, овчины, мыло. Только осенью 1788 г. шарташские крестьяне получили на своих “заводах” 1400 пудов мыла и 3300 яловых кож⁵².

В Кунгурском уезде возникали крестьянские предприятия по производству канатов. Довольно крупными были в 20—30-х гг. XIX в. заведения Григория Чистых, Василия Белозерова. К середине XIX столетия в Пермской губернии насчитывалось более 200 крестьянских предприятий, в том числе 160 кожевенных, 20 канатных, 8 кирпичных, 10 салотопенных, 1 дегтярное и 1 паточное. На них трудилось 1245 человек, выпустивших в 1850 г. продукции на 45689 руб.⁵³ Причем речь идет только о казенной деревне. Конечно, развитие крестьянских промыслов, предпринимательства нельзя объяснять исключительно влиянием горнозаводской промышленности, однако определенную стимулирующую роль последняя играла. Стоит отметить, что, если в среднем на каждую губернию России в 1844 г. приходилось по 105 крестьянских предприятий, то у государственных крестьян Пермской губернии их было 166⁵⁴. На Алтае промысловая деятельность крестьян тоже получает заметное развитие, хотя и не в таких масштабах, как на Урале. Одной из причин этого являлось то, что и горнозаводское производство здесь было гораздо меньшим по размерам и не предъявляло столь высокого спроса на крестьянскую промысловую продукцию, как уральское. К тому же алтайские крестьяне, как отмечалось, имели все возможности для наращивания земледелия и скотоводства. На Урале же в районах, где было много металлургических заводов, к началу XIX в. начал ощущаться недостаток земли под посевы. Сокращались крестьянские наделы. После отмены в начале XIX в. приписки к заводам, когда крестьяне получили больше времени для занятия хлебопашеством, в условиях постоянно растущего спроса на зерно и муку (прежде всего со стороны заводского населения), значение земледелия возрастает. При этом повышение урожайности крестьяне добивались как частичной интенсификацией производства (применяли более совершенную технику, переходили на новые культуры, улучшенные сорта и пр.), так и распашкой еще остававшихся резервных земель. В

результате в Пермской губернии, например, складывалась диспропорция между пахотными площадями и сенокосными и пастбищными угодьями⁵⁵.

Богатые крестьяне, которые активно занимались торговлей, подрядами, различными способами закрепляли за собой значительные земельные участки, вытесняя бедняков вообще из сельскохозяйственного производства или оставляя им столько земли, что последние вынуждены были подрабатывать на жизнь на стороне, главным образом, на горных заводах. По неполным подсчетам, в середине 30-х гг. XIX в. из 132 волостей государственных крестьян Пермской губернии 54 (41% населения всей казенной деревни) активно работали на заводах. "Теснейшие связи между государственной деревней и горными заводами края, — заключает Г.В. Яровой, — являлись интересным примером взаимодействия многоукладности деревни с многоукладностью уральской экономики в целом и ее главного звена — горнозаводской промышленности"⁵⁶. С 1801 по 1850 г. количество отходников из пермской казенной деревни увеличилось с 12453 до 77322, в шесть с лишним раз⁵⁷.

Расслоение деревни, происходившее на базе влияния заводской промышленности, положительно сказывалось на обеспечении последней вольнонаемными работниками. На Алтае вовлечение деревни через отходничество в заводское производство не было столь значительным. Это, кстати, явилось важнейшей причиной сохранения здесь системы приписки к заводам вплоть до реформы 1861 г.⁵⁸

В целом же влияние горнометаллургической промышленности на аграрное окружение в XVIII — первой половине XIX в. в хозяйственной сфере было заметным, но противоречивым. Разнообразные экономические связи деревни с заводами стимулировали развитие сельского производства, рост его товарности, промысловую деятельность крестьянства, сельское предпринимательство и торговлю. Вместе с тем проявлялась отчетливо и негативная, тормозящая роль промышленности, оттягивавшей принудительным способом (через систему приписки) рабочую силу из сельскохозяйственной сферы и наступавшей на крестьянские земельные наделы (последнее было характерно для Урала). В силу особенностей естественно-географических условий позитивная сторона во взаимоотношениях заводов и аграрного окружения проявилась на Алтае в большей степени, чем на Урале.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII — XIX вв. М.; Л., 1949. Т. 1. С.63.

² Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и сельскохозяйственное освоение. Новосибирск, 1965. С. 170—171.

- 3 Там же; Томсинский С.М. Расслоение уральской деревни в связи с развитием мануфактуры (первая половина XVIII в.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1968 г. Л., 1972. С.142.
- 4 ГАСО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2. Л. 268—270.
- 5 ГАСО. Ф. 572. Оп. 1. Д. 8. Л. 914—920.
- 6 Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья в XVII — XVIII веках. Ч. 2. Челябинск, 1969. С. 180—181.
- 7 ГАСО. Ф. 572. Оп. 1. Д. 8. Л. 888.
- 8 Громыко М.М. Западная Сибирь... С.169.
- 9 ГАСО. Ф. 572. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.
- 10 Черкасова А.С. Социально-экономические связи горнозаводских центров и деревень Урала в середине XVIII в. // Деревня и город Урала в эпоху феодализма: проблема взаимодействия. Свердловск, 1986. С. 32—33.
- 11 ГАСО. Ф. 105. Оп. 3. Д. 9. Л. 5—6.
- 12 Третьяков А. Шадринский уезд Пермской губернии в сельскохозяйственном отношении // Журнал Мин-ва гос. имуществ. 1852. Ч. 45. С. 183.
- 13 Успенский Т. Очерк юго-западной половины Шадринского уезда // Пермский сборник. М., 1859. Кн. 1. Отд. 4. С. 19-22.
- 14 Зырянов А. Сказки // Пермский сборник. Кн. 1. С. 120.
- 15 ГАСО. Ф. 105. Оп. 2. Д. 93. Л. 30, 150.
- 16 Томсинский С.М. Расслоение уральской деревни... С. 143—144.
- 17 Плещевский Б.Г. Имущественное и социальное расслоение крестьянства губерний "Большого Урала" в 1-й половине XIX века // Проблемы социально-экономического развития Среднего Поволжья в период феодализма. Казань, 1986. С. 94.
- 18 Плещевский Б.Г. Государственные крестьяне Вятской губернии в 1-й половине и середине XIX в. // Сборник Удмуртского НИИ. Вып. 17. С. 93.
- 19 Громыко М.М. Западная Сибирь... С. 168.
- 20 Там же. С. 169.
- 21 Там же. С. 171—172.
- 22 Разгон В.Н. Сельскохозяйственная торговля в городах и промышленных поселках Алтая второй половины XVIII — первой половины XIX в. // Город и деревня Сибири досоветского периода в их взаимосвязи. Новосибирск, 1988. С. 17—20, 24.
- 23 Яцунский В.К. Основные этапы генезиса капитализма в России // История СССР. 1958. № 5. С. 83; Лукичев С.С. Феодальные повинности и основные отрасли хозяйства приписных крестьян Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа в первой половине XIX в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 1970. С. 23.
- 24 Плещевский Б.Г. Государственные крестьяне... С. 93; Он же. Имущественное и социальное расслоение... С. 95.
- 25 Горловский М.А., Пятницкий А.Н. Из истории рабочего движения на Урале. Свердловск, 1954. С. 123—129.
- 26 ГАСО. Ф. 105. Оп. 2. Д. 37. Л. 2—23.
- 27 Попов М. Описание Туринского округа. М., 1876. С.4.
- 28 Литературное наследие Сибири. Т.7. Новосибирск, 1986. С. 202.
- 29 Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII века. М., 1962. С. 82.

- ³⁰ Уральская энциклопедия. Свердловск—М., 1933. С. 174.
- ³¹ Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967. С. 40.
- ³² Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. СПб., 1813. Ч. 2. С. 77—78.
- ³³ ТФ ГАТюО. Ф. 154. Оп. 20. Д. 180. Л. 114 об.—502.
- ³⁴ Черкасова А.С. Социально-экономические связи... С. 30, 36, 37.
- ³⁵ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 208.
- ³⁶ Орлов А.С. Волнения на Урале в середине XVIII века. М., 1979. С. 196; Горловский М.А., Пятницкий А.Н. Из истории... С.29.
- ³⁷ См.: РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 18. Л. 78—78 об.; РГИА. Ф. 468. Оп. 45. Д. 317. Л. 78—83.
- ³⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 47. Кн. 4082. Л. 629.
- ³⁹ Смирнов С.С. Приписные крестьяне на горных заводах Урала. Челябинск, 1994. С. 102.
- ⁴⁰ Там же. С. 103—104.
- ⁴¹ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. С.277.
- ⁴² ГАНО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1. Л. 239.
- ⁴³ Карпенко З.Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700—1860 годах. Новосибирск, 1963. С. 153.
- ⁴⁴ Смирнов С.С. Сельское хозяйство приписных крестьян горнозаводского Урала на рубеже XVIII—XIX вв. // Государственные крестьяне Урала в эпоху феодализма. Екатеринбург, 1992. С. 145—158.
- ⁴⁵ Громыко М.М. Западная Сибирь... С. 218—219.
- ⁴⁶ ГАСО. Ф. 572. Оп. 1. Д. 36. Т. 2. Л. 174.
- ⁴⁷ Попов Н.С. Хозяйственное описание... Ч. 2. С. 237.
- ⁴⁸ ГАСО. Ф. 105. Оп. 2. Д. 2. Л. 4, 11.
- ⁴⁹ История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 310.
- ⁵⁰ РГИА. Ф. 383. Оп. 27. Д. 50. Л. 137.
- ⁵¹ Свод материалов по кустарной промышленности в России. СПб., 1874. С. 617.
- ⁵² Байдин В.И. Формирование буржуазии в среде государственного крестьянства Среднего Урала во второй половине XVIII в. // Крестьянство Урала в эпоху феодализма. С. 81, 84.
- ⁵³ Яровой Г.В. К вопросу о многоукладности уральской государственной деревни накануне реформы 1861 года // Вопросы истории капиталистической России. Свердловск, 1972. С. 307—308.
- ⁵⁴ Журнал Мин-ва гос. имуществ. 1845. Ч. 17. С. 47—48.
- ⁵⁵ Яровой Г.В. Земельные наделы государственных крестьян Пермской губернии в первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1968 г. С. 178.
- ⁵⁶ Яровой Г.В. К вопросу о многоукладности... С. 307.
- ⁵⁷ Там же. С. 306.
- ⁵⁸ Громыко М.М. Западная Сибирь... С. 208—221; Карпенко З.Г. Горная и металлургическая промышленность... С. 149—154, 173—177.

ВЛИЯНИЕ ЗАВОДСКОГО ПРОИЗВОДСТВА НА СЕМЬЮ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ДЕРЕВНЕ

С момента своего возникновения горная промышленность оказывала влияние на сельских жителей, прежде всего активизируя и направляя механическое движение населения. Из-за нехватки рабочих рук в первые годы своего существования заводы принимали большое количество "пришлых". Их трудом были "заведены" целые заводские комплексы, например, Гороблагодатские заводы на севере Урала. За счет добровольных "сходцев" ускоренными темпами росло население демидовских заводов. Мигранты были преимущественно выходцами из государственной и дворцовой деревни Архангельской, Казанской, Московской, Нижегородской, Сибирской губерний¹.

Развитие горнозаводской промышленности сопровождалось регулярным изъятием людских ресурсов из деревни. Так, с самого начала существования казенных заводов на Урале (а на Алтае с 1761 г.) рекруты из приписных крестьян были главным источником пополнения постоянного персонала предприятий. В 1726 г. на уральских казенных заводах рекруты составляли 27% мастеровых и работных людей а в 1745 г. уже 70% (а на некоторых предприятиях до 90%)². Подобная практика рекрутирования постоянных кадров сохранялась на уральских казенных заводах до конца 1760-х гг. В 1757 г. частным владельцам также было дано разрешение набирать учеников из числа приписных крестьян и селить их при заводах. Заводчики активно пользовались предоставленными им правами. В 1761 г. на Аннинский завод графа Чернышова в качестве учеников было взято 274 приписных крестьянина Чердынского уезда³. В 1760 г. было осуществлено массовое переселение на Юговские заводы 224 семей "добрых и домовых людей з женами и детьми" из Кунгурского уезда⁴. Администрация Авзянопетровского завода "повсюгодно" переселяла на предприятие крестьянские семьи, в результате чего с 1754 до начала 1760-х гг. приписная деревня потеряла 992 ревизские души⁵. Контингент мастеровых и работных людей на Алтае также во многом формировался из рекрутов, набранных среди приписного крестьянства (особенно в кабинетский период)⁶. Порой приписные добровольно выбирали завод как постоянное место жительства, порывая с деревней (например, вследствие разорения).

Вынужденный характер носило переселение крестьян на завод в итоге "обзадачивания". Работа на заводах являлась одним из видов отхожих промыслов крестьян. Агенты заводовладельцев выдавали им задаток ("обзадачивали"), получение которого являлось первым шагом к закабалению. Проработав на заводах несколько лет, "обзадаченные" крестьяне забрасывали свое хозяйство и навсегда оседали в заводских

поселках. Эта форма переселений в заметных размерах практиковалась на предприятиях как северного, так и южного Урала⁷.

Резервуаром трудовых ресурсов для заводчиков-вотчинников являлись их крепостные крестьяне. Всеволожские, Строгановы, Лазаревы превращали своих крепостных в рабочих или подзаводских крестьян. Аналогично поступали Демидовы. Для этого им пришлось осуществить массовую миграцию крепостного населения из вотчин, расположенных за пределами Урала. Особенно масштабными были переселения 60—90-х гг. XVIII в. и 20—40-х гг. XIX в.⁸ Приоритет в использовании подобного вида миграций принадлежал заводовладельцам южного Урала, на предприятиях которых Крепостные, купленные в Среднем Поволжье, составляли основной контингент постоянных кадров на заводах Южного Урала в середине XVIII в.⁹ Таким образом, крестьянство явилось одним из основных источников формирования населения уральских и сибирских горных заводов.

Участие в заводских работах повышало трудовую нагрузку сельского населения, приводило к частым конфликтам¹⁰. Особенно активным был протест приписных крестьян, которые в челобитных приводили вопиющие факты своего нелегкого положения: "будучи в оной работе более года, едва могут половина живых в дома свои возвратится. Да и домов своих в таком состоянии, в каком оставят, не токмо получают, но и живущих в нем жен и детей не застанут: за неимением пропитания, кои куда разойдутся. И в таком случае многия, скитавшись, помирают, а протчия безызвестно пропадают"¹¹.

Однако статистические данные не позволяют говорить о вымирании приписной деревни. Она, как и вся российская деревня, сохраняла расширенные темпы воспроизводства населения. Так, в основном за счет естественного прироста численность приписного крестьянства Урала возросла с 118 тыс. человек в 1762 г. до 212 тыс. человек в 1795 г.¹² В последние годы существования приписной системы на Урале, с 1795 по 1803 гг., по данным С.С.Смирнова, приписное население увеличилось на 14,7 %. Годовой прирост, таким образом, составил чуть менее 2%. Рождаемость в 2,3 раза превышала смертность, а средние темпы естественного прироста равнялись 2,14 % в год¹³. С конца XVIII в. увеличение числа приписных крестьян также за счет естественного прироста наблюдалось на Алтае. В 1851 г. их насчитывалось более 145 тыс. душ м.п., что было в два раза больше всего приписного населения Сибири в середине 1790-х гг.¹⁴

Участие в заводских работах не привело к существенному ухудшению демографических показателей у мужской части населения. Вымирание мужского населения приписной деревни происходило, как это и положено, преимущественно в пожилом, неработоспособном возрасте. Смещения смертности на более ранние работоспособные возра-

ста не фиксируется. Как показывают данные таблицы 1, среди мужских жителей Белоярской слободы в середине XVIII в. наблюдалось некоторое нарастание смертности в интервале от 31 до 40 лет, но большая часть крестьян умирала в преклонном возрасте от 60 до 80 лет.

Таблица 1.

**Число умерших по возрастным группам крестьян
Белоярской слободы (середина XVIII в.)**

возрастные группы	число умерших
до 20 лет	16
21 — 30	4
31 — 40	13
41 — 50	3
51 — 60	6
61 — 70	10
71 — 80	11
81 — 90	5
91 — 100	5
	73

Расчеты автора по данным: ГАСО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 5. Л. 13-42.

Подобная динамика смертности позволяла сохранять традиционную возрастную структуру, благодаря чему существенно не изменялось соотношение работоспособного ("годного" — от 15 до 60 лет) и неработоспособного ("негодного" — старики, дети, больные, увечные) мужского населения. При традиционном демографическом режиме, для которого характерны высокий удельный вес детей, умеренный — лиц среднего возраста и низкий — стариков, считается вполне приемлемым, если работоспособные занимают в населении от 40% до 60%¹⁵. По расчетам С.С.Смирнова, в начале 1760-х гг. удельный вес годных среди приписных Екатеринбургских заводов и золотых промыслов составлял в среднем 55,3%¹⁶. По данным 1765 г., процент "годных" колебался от 35% до 67%¹⁷. В 1781 г. по Колывано-Воскресенским заводам "годные" составляли 62%¹⁸. Впоследствии соотношение "годных" и "негодных" в приписной деревне изменилось мало. К концу XVIII в. на Екатеринбургском заводе процент "годных" равнялся 53, на Гороблагодатских — 54,8, на Каменском — 47,7¹⁹. По данным девятой ревизии, 63% приписного населения Алтая считалось "годным"²⁰. Рабочая нагрузка на уральских и сибирских крестьян в

горнозаводских районах существенно варьировала в зависимости от пространства и времени. Наибольший урон сельскому народонаселению наносили принудительные меры властей по организации форсированного сооружения заводов. Велики были потери населения на строительстве первых уральских предприятий. В 1710 г. в слободах, население которых было привлечено к строительству Алапаевского и Невьянского заводов, из 3187 дворов осталось 1260. Жители остальных либо бежали, либо умерли²¹. Ситуация повторилась в период массовых приписок на Урале в 1750-е—1760-е гг. Например, в первый год приписки к заводам М.Походяшина умерло 300 чердынских крестьян²². Факты высокой смертности на рудниках этого заводчика подтверждает путешествовавший в 1760-е гг. по Уралу академик П.С.Паллас²³.

Однако со временем отношения между заводами и сельским населением стали нормализоваться, широкое распространение получил труд на предприятиях на основе различных видов найма, который подчинялся принципам территориального разделения труда. При этом степень реального участия сельчан в заводских работах и, следовательно, их трудовая нагрузка во многом зависели от места жительства, удаленности от заводов. Так как промышленные предприятия были рассредоточены по обширной территории Урала и Алтая, то в разряд близкоживущих по отношению к заводам попадало значительно количество крестьян. Именно их усилиями заводы в первой половине 19 в. смогли перевести вспомогательные работы на вольный наем²⁴. Постоянные маятниковые миграции крестьян-наемных работников на заводы и обратно были широко распространены в Пермской губернии XVIII — первой половине XIX вв. ("ближний отход"). В миграциях подобного рода принимали активное участие и вятские крестьяне, обслуживающие необходимые для заводов перевозки (судовой и извозный промыслы). Распространение "ближнего" и "дальнего" отходов является свидетельством успешного использования заводами "избыточного" работоспособного населения деревни.

Участие сельских жителей в обслуживании потребностей промышленности способствовало увеличению нагрузки на весь производственный коллектив крестьянского хозяйства, которым являлась семья. Поэтому на Урале и Алтае наметился рост численности крестьянской семьи за счет усложнения ее поколенно-структурного состава. Среднестатистическим эталоном для России в изучаемый период была семья, насчитывавшая 4 души м.п. По данным переписных книг, на Урале в начале столетия семьи были малочисленнее этого усредненного критерия. В Верхотурском уезде крестьянская семья в среднем насчитывала 3,2 мужчин, в Тобольском — 2,1. Семьи старожильского населения Урала во втором десятилетии XVIII в. уже приближались

к статистическому стандарту. Как показывают данные таблицы 2, у жителей Багарякской слободы и Колчеданского острога, приписанных к Каменскому заводу, 76—79,6% семей имели в своем составе от 1 до 4 душ м. п. В дальнейшем процент семей с 1—4 душами м.п. имел тенденцию к увеличению. В 1805 г. уже 39,7% семей приписных Поташинской волости имели в своем составе 1—2 души м. п. и 46,9% - от 3 до 4 душ м. п. А всего семей с 1—4 душами м. п. в своем составе было 86%.

Таблица 2.

Численность семьи приписных крестьян

число душ м.п. в семье	число и процент семей					
	Багарякская слобода (1719 г.)		Колчеданский острог (1719 г.)		Поташинская волость (1805 г.)	
0	1	0.3%	6	2.5%	—	—
1—2	124	35.0%	79	32.5%	200	39.7%
3—4	158	44.6%	106	43.6%	236	46.9%
5—6	57	16.1%	45	18.5%	59	11.8%
7—8	10	3.0%	6	2.5%	6	1.2%
9—10	4	1.0%	1	0.4%	2	0.4%
итого:	354	100.0%	243	100.0%	503	100.0%

По данным: Побережников И.В., Томилов А.Г. Переписные книги как источник по истории населения уральских слобод начала XVIII в. // Источники по социально-экономической истории Урала дооктябрьского периода. Екатеринбург, 1992. С.44; Дашкевич Л.А. Семья государственных крестьян на Урале (по материалам подворных описей Поташинской волости 1805 г.) // Государственные крестьяне Урала в эпоху феодализма. Екатеринбург, 1992. С. 118.

Состав семей приписных крестьян на протяжении XVIII в. усложнялся. В 1719 г. у жителей Колчеданского острога и Багарякской слободы самыми распространенными были малые, двухпоколенные семьи из родителей и детей (54,6%). Среди бобылей семей, состоящих из супругов с неженатыми детьми было еще больше — 64%²⁵. У крестьян Поташинской волости в начале 19 в., наоборот, преобладали двух- и трехпоколенные неразделенные семьи (57,5% всех дворов). Наиболее распространенными при этом были неразделенные отцовские семьи²⁶.

В Сибири проявились подобные же процессы, но в более сильной форме. До конца 1770-х гг. семьи приписных крестьян Томского уезда не только существенно превосходили по размерам семьи тасжных сибирских районов, но и семьи уральских приписных крестьян. На Урале семьи, включавшие более 6 душ, составляли в начале XVIII в. 3,0%—4,0%, а к началу XIX в. их доля снизилась до 1,6%. В различных волостях Томского уезда доля таких семей доходила до 13% - 33%. По своей структуре это были неразделенные братские и отцовско-братские семьи и семьи-товарищества²⁷.

В результате достигалось оптимальное, при высоком удельном весе детей, сочетание работоспособных и неработоспособных в семье. Как показывает таблица 3, в 1770-е гг. более половины (в некоторых волостях и больше) численности семьи алтайских приписных крестьян приходилось на трудоспособных мужчин и женщин.

Таблица 3.

Состав семьи приписных крестьян на Алтае в 1770-е гг.

волости	состав семьи (средний)			из них работоспособных (в среднем)		
	м.п.	ж.п.	итого:	м.п.	ж.п.	итого:
Кривошековская	5,9	5,4	11,3	3,8	2,1	5,9
Чаусская	5,2	5,2	10,4	2,8	2,8	5,6
Умревинская	4,2	4,1	8,3	2,4	2,5	4,9
Гутовская	3,7	3,5	7,2	2,2	2,1	4,3
Крохалевская	3,6	3,0	6,6	2,4	1,8	4,2

По данным: Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первой половины XIX в.). Новосибирск, 1979. С. 54—55.

В конце XVIII — первой половине XIX в. семьи крестьян горнозаводских районов Урала и Сибири попали под воздействие процессов унификации (нивелировки). На Алтае буквально за 15 лет число душ м. п. в семьях крестьян Чаусского прихода сократилось вдвое и составило 2,7 человек. Общая населенность двора уменьшалась еще более быстрыми темпами. Число семей, в которых проживало более 6 человек, за это же время сократилось с 28,3% до 0,6% (см. табл. 4).

Аналогичным в начале XIX в. было положение на Урале. Как показали подворные обследования (см. таблицу 5), в горнозаводской зоне семья в среднем насчитывала 2,5 полных работников м.п.²⁸, а всего на двор приходилось чуть более 6 человек. По различным волостям эта цифра несколько варьировалась: от 5,9 человек в Арамилской до 7,3 в

Екатеринбургской волости. При этом типичной была семья из 4—7 человек²⁹.

Таблица 4.

Динамика численности семьи в Чаусском приходе. Конец XVIII в.

годы	Чаусский приход	
	% семей с численностью более 6 человек	число душ м.п. в семьях
1773	28,3	5,2
1784	7,4	3,4
1788	0,6	2,7

По данным: Миненко Н.А. Русская крестьянская семья... С. 54-56.

Таблица 5.

Населенность крестьянского двора на Урале в начале XIX в.

волость	среднее число душ во дворе
Поташинская	6,3
Коптеловская	6,8
Костюнская	7
Алапаевская	7
Брусянская	6,7
Каменская	6,4
Арамилская	5,9
Щелкунская	6,5
Екатеринбургская	7,3
Уткинская	6,1

Расчеты автора по данным: Смирнов С.С. Сельское хозяйство приписных крестьян горнозаводского Урала на рубеже XVIII и XIX вв. // Государственные крестьяне Урала... С. 148, 150.

Еще нагляднее процесс нивелировки крестьянских семей Урала и Сибири выглядит при сопоставлении данных за первую половину XIX в. В 1825-1827 гг. в горнозаводской зоне Алтая населенность двора варьировалась от 5,8 до чуть более 6 человек³⁰. У углежогов Рездинского завода, деревень Красный Яр, Березовка, Сажаная, Починки в 1838-

1840 гг. средняя населенность двора почти равнялась алтайскому показателю и составляла 5,7 человек³¹.

Видимо, для повышения трудового потенциала двора малолюдные семьи использовали свой способ — интенсификацию женской рабочей силы. Исследовательница алтайских крестьян А.В. Сафьянова пишет: "Спецификой социально-экономического положения сельского населения Алтая было то, что мужчины надолго и нередко в напряженный период сельскохозяйственных работ отвлекались от своего хозяйства. На Алтае это было связано в дореформенное время с выполнением крестьянами обязательных горнозаводских отработок... Женщина становилась тогда основной рабочей силой в семье. От ее выносливости, навыков и умения хорошо хозяйничать во многом зависело благосостояние семьи"³².

Однако замена в сельскохозяйственном производстве мужского труда женским не решала проблему благосостояния крестьянского двора. На Урале в первой половине XIX в. наблюдается прямая зависимость благосостояния семьи от числа работников мужского пола. 36 % бедных семей углежогов Ревдинского завода имело минимальное число работоспособных мужского пола — 1,5 работников. В 43 % более обеспеченных семей было по 1,8 работников. Самые богатые семьи имели и наибольшее число трудоспособных мужчин — в среднем по 2 работника³³.

Таким образом, в уральском и алтайском горнозаводских районах наблюдалось сходство этапов в развитии семьи — от увеличения людности и усложнения состава к его уменьшению. Сопоставимые данные по Уралу и Западной Сибири конца XVIII — первой половины XIX вв. позволяют говорить об однотипности эволюции семьи в обоих регионах.

На протяжении XVIII — первой половины XIX вв. прослеживается влияние горнозаводского производства на демографические процессы в уральской и сибирской деревне и на изменения в семье. В большей мере это касалось механического движения населения (различных видов миграций). Для структуры семьи не прошло бесследно увеличение трудовой нагрузки на нее вследствие занятости крестьян на заводских работах. На определенном этапе семья становится более сложной. При этом деревня Урала и Сибири продолжала существовать в рамках традиционного демографического режима, свойственного для всей России и сохраняла расширенные темпы воспроизводства населения. Развитие семьи в целом также происходило в рамках общероссийских процессов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 314.

² Там же.

- 3 Смирнов С.С. Приписные крестьяне Урала в XVIII — начале XIX вв. Челябинск, 1993. С. 169.
- 4 Орлов А.С. Волнения на Урале в середине XVIII века. (К вопросу о формировании пролетариата в России). М., 1979. С. 227.
- 5 Там же. С. 202—204.
- 6 Никишина Н.В. Численность и структура семей мастеровых и рабочих людей горнозаводской промышленности Алтая во второй половине XVIII в. // Демографическое развитие Сибири периода феодализма. Новосибирск, 1991. С. 116; Липинская В.А. Миграции русского населения и хозяйственное освоение юга Западной Сибири (предгорный и горный Алтай в XVIII в.) // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI — начале XX в.). (Материалы XX сессии Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории). Вып. 1. Томск, 1982. С. 125.
- 7 История Урала... С. 317—318.
- 8 Гуськова Т.К. О некоторых особенностях демографических процессов на Урале в эпоху феодализма (по материалам Нижне-Тагильского горно-заводского округа конца XVIII — первой половины XIX в.) // Демографические процессы на Урале в эпоху феодализма. Свердловск, 1990. С. 111.
- 9 История Урала... С. 316.
- 10 См., например: Орлов А.С. Волнения на Урале ...; Горловский М.А., Пятницкий А.Н. Из истории рабочего движения на Урале. Свердловск, 1954.
- 11 Орлов А.С. Волнения на Урале... С. 204.
- 12 История Урала... С. 314.
- 13 Смирнов С.С. Приписные крестьяне на горных заводах Урала. Челябинск, 1994. С. 98.
- 14 Жеравина А.Н. Влияние динамики численности приписных крестьян на формирование территории кабинетского хозяйства в Сибири // Демографическое развитие Сибири... С. 31, 36.
- 15 Пресса Р. Народонаселение и его изучение. М., 1961. С. 268—274; Бакланова Е.Н. Крестьянский двор и община на русском Севере. Конец XVII — начало XVIII в. М., 1976. С. 20, 23.
- 16 Смирнов С.С. Приписные крестьяне Урала... С. 156.
- 17 Черкасова А.С. Численность и размещение приписных крестьян России во второй половине XVIII в. // Историческая география России XVIII в. Часть 1. Города, промышленность, торговля. М., 1982. С. 185.
- 18 Там же.
- 19 Смирнов С.С. Приписные крестьяне Урала... С. 157.
- 20 Лукичев С.С. Проблема хозяйственной специализации приписной деревни Алтайского горного округа в дореформенный период // Актуальные вопросы истории Алтая. Барнаул, 1980. С. 199.
- 21 Смирнов С.С. Приписные крестьяне Урала... С. 41, 47.
- 22 Орлов А.С. Волнения на Урале... С. 201.
- 23 Чупин Н.К. О Богословских заводах и заводчике Походяшине // Сборник статей, посвященных Пермской губернии и помещенных в неофициальной части Губернских ведомостей в период 1842—1881 гг. Вып. 1. Пермь, 1882. С. 110.

- ²⁴ История Урала... С. 432; Гуськова Т.К. Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX века. Екатеринбург-Нижний Тагил, 1995. С. 148.
- ²⁵ Побережников И.В., Томилов А.Г. Переписные книги как источник... С. 45.
- ²⁶ Дашкевич Л.А. Семья государственных крестьян... С. 117.
- ²⁷ Миненко Н.А. Русская крестьянская семья... С. 54—55.
- ²⁸ Смирнов С.С. Приписные крестьяне на горных заводах... С. 107.
- ²⁹ Дашкевич Л.А. Семья государственных крестьян... С. 118.
- ³⁰ Бояршинова Э.Я. Крестьянская семья Западной Сибири феодального периода // Вопросы истории Сибири. Вып. 3. Томск, 1967. С. 18; Миненко Н.А. Русская крестьянская семья... С.75.
- ³¹ Неклюдов Е.Г. Организация и оплата труда вспомогательных рабочих частных заводов Урала (по материалам Ревдинского завода 1838—1840 гг.) // Рабочие горнозаводской промышленности Урала в дореформенный период. Свердловск, 1987. С. 51.
- ³² Сафьянова А.В. Внутренний строй русской сельской семьи алтайского края во второй половине XIX - начале XX в. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 99.
- ³³ Неклюдов Е.Г. Организация и оплата... С.52—53.

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНО-СОСЛОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДЕРЕВНЕ

Развитие горнозаводской промышленности на Урале и в Западной Сибири оказывало воздействие не только на профиль хозяйственных занятий крестьян, семью, общину, демографические процессы в деревне, но и на социально-сословный ландшафт сельской местности. Социальный облик деревни менялся под влиянием как объективных импульсов, исходивших из промышленного сектора (повышенный спрос на труд, продукты аграрного производства, специфические продукты и услуги), так и целенаправленной политики государства (законодательство и административная практика) и частных заводоладельцев. Горнозаводское производство вызвало появление специфических социально-сословных категорий сельского населения, привело к изменению пропорций между существовавшими сословными группами деревни.

В начале XVIII в., в связи с развитием крупномасштабного казенного и частновладельческого металлургического производства в условиях узости рынка свободного труда, получает широкое распространение принудительное привлечение крестьян к выполнению отдельных заводских операций. В этом плане Россия не являлась исключением. В Центральной Европе (в Польше, Чехии) мануфактуры нередко набирали работников среди крепостных крестьян. В Западной Европе некоторые мануфактуры прибегали к использованию рабского труда рабочих домов (work-houses), в которых содержались празднующиеся, правонарушители, преступники, сироты. Подобные факты, по мнению Ф.Броделя, доказывают, что техническая организация зачастую оказывается безразличной к социальному контексту, с которым она сталкивается¹.

Приписные крестьяне

Преимущественно из государственных крестьян в XVIII в. формируется категория приписных (приписку в 1703 г. монастырского с. Покровского к Невьянскому заводу Н.Демидова следует рассматривать как исключение из правила), которых правительство обязало вместо выполнения государственных повинностей и выплаты налогов работать на казенных и частных заводах. Численность приписных крестьян на Урале росла стремительно: по 1-й ревизии (1719 г.) — лишь 25 тыс. душ м. п. на казенных предприятиях; к середине 1760-х гг. — 58 тыс. душ м. п. на казенных и около 63 тыс. на частных. Накануне реформы 1807—1814 гг., ликвидировавшей систему приписки к горным заводам Урала, около четверти млн казенных крестьян относилось к разряду приписных. В Пермской губернии более 80 % населения государственной деревни обрабатывало подати при за-

водах, а в Пермском, Соликамском, Кунгурском, Оханском, Осинском и Екатеринбургском уездах практически вся казенная деревня была закреплена за заводами. Довольно быстро увеличивался контингент приписных крестьян и в Западной Сибири, на Алтае. Первые приписки были произведены еще в 1727—1742 гг. к заводам Акинфия Демидова. В кабинетский период практика приписок была значительно расширена. При этом в XVIII в. воспроизводство приписной деревни осуществлялось во многом за счет дополнительных приписок, а в XIX за счет естественного прироста населения. Динамика численности приписного крестьянства горнозаводского ведомства на Алтае выглядит следующим образом: 1747 г. — 3121 душа м. п., 1763 г. — 39810, 1781 г. — 54750, 1807 г. — 63355, 1833 г. — 112131, 1857 г. — 145484. Накануне отмены приписной системы на Алтае по указу 8 марта 1861 г. в кабинетском хозяйстве было занято 145612 чел. рев. душ приписных крестьян².

В юридическом отношении приписные крестьяне оставались государственными: они признавались субъектами гражданского и публичного права, имели право заниматься торговлей, подрядами, промыслами, приобретать на свое имя имущество, переходить в другие сословия, не лишались права принятия присяги и участия в Уложенной комиссии 1767—1768 гг. Однако юридическое положение приписных было менее прочным по сравнению с не приписанными к заводам казенными крестьянами. Степень подчиненности приписных от заводской администрации постоянно менялась, то увеличиваясь, то уменьшаясь. Наиболее благоприятным в этом плане как для уральских, так и для сибирских приписных был период 1780 — первой половины 1790-х гг., когда зависимость крестьян от заводских властей была минимизирована благодаря областной реформе и передаче функций по управлению заводами и рудниками горным экспедициям в составе казенных палат, а судебных и административных функций — общегосударственным губернским и уездным учреждениям.

В отличие от казенных крестьян приписные были обязаны отрабатывать на заводах повинности в зачет подушной подати, а по мере ее роста — в уплату ее части (заводские отработки были наиболее обременительной повинностью приписного крестьянства). Пресс внеэкономического принуждения давил на приписную деревню с гораздо большей силой, чем на казенную. Важно отметить, что подати приписными отрабатывались не только за себя, но и за тех, кто был приписан к заводу, но по тем или иным причинам (смерть, бегство, болезнь и пр.) выбыл.

Объем заводских отработок приписных крестьян определялся: общей суммой подушного оклада, падавшей на крестьянское селение в зависимости от числа ревизских душ; официальными расценками

различных видов работ; производительностью заводов и рудников, качеством руды и, соответственно, потребностью предприятий в рабочих руках. Первоначально заводской отработке подлежала сумма подушного оклада, которая составляла 1 руб. 10 коп. (70 коп. подушной подати и 40 коп. оброчного сбора). По сенатскому указу 12 октября 1760 г. оброчный сбор, входивший в сумму подушного оклада, вырос на 60 коп., что автоматически увеличило стоимость заводских отработок до 1 руб. 70 коп. на рев. душу. Отработки выполнялись по установленной таксе: по указу 1724 г. в период с апреля по октябрь труд крестьянина с лошадью оценивался 10 коп. в день, без лошади — 5 коп., в период с октября по апрель — соответственно 6 и 4 коп. С 1741 по 1761 г. приписные получали плату за прохождение дни — по 6 коп. за каждые 50 верст, проведенные в пути. Плата за прохождение дни была восстановлена в 1769 г. (из расчета 3 коп. за 25 верст пути). Тогда же были увеличены расценки за труд: пешему работнику на 1 коп., конному — на 2. Манифестом 21 мая 1779 г. расценки за труд были увеличены вдвое против “плаката” 1724 г. Но даже после увеличения расценок ситуация для крестьян существенно не улучшилась — темпы роста податей значительно опережали темпы увеличения оплаты труда приписных³.

Государственная регламентация постепенно охватывала профиль, а также время и порядок выполнения заводских работ. Согласно “Учреждению о работах при заводах” екатеринбургской канцелярии Главного заводов правления от 23 октября 1741 г., приписные были обязаны находиться на предприятиях с 25 марта по 1 мая, с 25 мая до 25 июля, с 15 сентября по ноябрь месяц. Таким образом, предусматривалось освобождение крестьян от заводских отработок на время весенних и осенних сельскохозяйственных работ. Далее, “Учреждение” определяло профиль работ, которые должны были выполнять при заводах приписные: рубка дров, выжиг угля, добыча руды и извести, перевозка на заводы и пристани леса, извести, горнового камня (огнесупор), угля, железа, возведение плотин⁴. Манифест 1779 г. освободил крестьян от выжига угля и добычи руды.

Но на объемы заводских повинностей влияла также реальная потребность предприятий в рабочей силе. Случалось, что заводская администрация требовала от крестьян выполнения повинностей лишь за часть приписанных ревизских душ (довольно частое явление на Алтае до 1780-х гг.). Так, начальник Алтайских заводов Качка в 1790-е гг. подчеркивал льготное положение кабинетских крестьян сравнительно с приписными других районов России: “... при прочих заводах, как казенных, так и партикулярных, приписные крестьяне большею частию зарабатывают за все в переписи состоящие души, но при здешних в облегчение оным немалая часть работ исправлялась и исправляется служителями и повольным наймом, а потому крестьян

оставалось и остается поныне от расположенных работ каждогодно от 16 до 20 тысяч душ". На основании этого Качка даже утверждал, что приписные "коляванские... против прочих крестьян казенной работы исправляют вполтину меньше"⁵.

Однако гораздо чаще, особенно на Урале, предприятия предъявляли спрос на рабочую силу сверх установленных государством нормативов. Законодательство первой четверти XVIII в. предусматривало привлечение крестьян к работам сверх подушного оклада, но с условием вознаграждения за этот труд по официальным заниженным расценкам. Этой возможностью широко пользовалась администрация заводов, особенно частных. В 1763 г. — как ответ на массовые волнения приписных — была сделана попытка ограничить права заводовладельцев на принуждение крестьян к сверхнормативным отработкам (разработанное руководителем следственной комиссии по крестьянским выступлениям на Урале кн. А.А.Вяземским "Учреждение приписным покойного господина генерал-фельдмаршала и кавалера Шувалова к Ижевскому и Воткинскому заводам крестьянам" от 9 апреля 1763 г.). Но "Учреждение" носило рекомендательный характер и не всегда соблюдалось⁶. Величина отработок в 1 руб. 70 коп. была более твердо установлена Манифестом 1779 г. Необходимо отметить, что частные заводовладельцы Урала гораздо в меньшей степени были склонны следовать букве закона: приписные крестьяне на вотчинных и посессионных предприятиях эксплуатировались в большей степени, чем на казенных. Показательно, что волна массового протеста приписных, охватившая в 1754—1767 гг. 54 частных завода Урала, практически не коснулась казенных предприятий.

Организацию заводских отработок крестьян осуществляли как заводские и гражданские власти, так и сельская мирская администрация, которая являлась низшим звеном управления приписной деревней и избиралась из крестьянской среды на определенные сроки. Приписные крестьяне избирали из своей среды раскладчиков, которые вели раскладные книги (определявшие объем работ для крестьян селения). На основании раскладных книг производилась высылка приписных на заводские работы. Определенные для работ крестьяне делились на десятки и избирали своих десятников (десятских). Крестьяне одного десятка были связаны между собой круговой порукой, должны были, в частности, отрабатывать за "нетчиков" (т. е. не явившихся или бжавших с работ до срока). По возвращении с работ крестьянин обязан был предъявить своему сельскому старосте квитанцию заводской конторы о выполнении работ.

Вообще приписные крестьяне с самого начала отнюсались к приписке как к акту навязанному им и несправедливому. Под угрозой смертной казни крестьян можно было заставить идти на заводы, но

нельзя было обеспечить высокого качества их работ. Впрочем и для того, чтобы крестьяне в положенное время выходили на заводские работы, пришлось создавать сложную систему принуждения, в которой были задействованы и заводская администрация, и уездные и губернские власти, и органы крестьянского самоуправления. Но и эта система нередко давала сбой (особенно в периоды открытых волнений), создавая угрозу нормальному функционированию горнозаводского производства.

Повседневным явлением стали такие формы сопротивления приписных крестьян, как подача жалоб, бегство с заводов и куреней до выполнения установленного объема работ, массовые невыходы на работы. Саботаж отработок заводская администрация блокировала наймом “вольножелающих” по рыночным ценам за счет “нетчиков” (такое право было предоставлено горным властям указом 20 мая 1785 г.) — подобная практика получила широкое распространение на Алтае в конце XVIII — первой половине XIX в. По определению Г.П.Жидкова, “это был своеобразный экономический метод реализации системы внеэкономического принуждения”⁷ Нередкими в истории приписной деревни были массовые открытые волнения, иногда перераставшие в вооруженные восстания. По подсчетам И.В.Побережникова, только на протяжении XVIII в. в приписной деревне сибирского Зауралья и на Алтае имело место более 300 случаев “выступлений крестьян отдельного селения за год”. К числу наиболее крупных выступлений следует отнести кунгурское восстание 1703 г.; волнения 1705—1711 гг приписных Алапаевского, Невьянского, Каменского, Уктусского заводов; массовое бегство крестьян со строительства Екатеринбургского завода на Южный Урал в 1723—1727 гг.; участие уральских приписных в массовых движениях 1750—1760-х гг. и в Пугачевщине; Томское волнение 1781—1785 гг.; выступления 1797—1798 гг. на Алтае; Чаусское (1813), Бачатское (1816), Ояшинское (1831) волнения⁸.

Урочники

Необходимость обеспечить рабочей силой операции по выжигу угля и заготовке различных материалов после издания манифеста 1779 г., запретившего использовать на них приписных крестьян, привела к созданию на Алтае категории урочников (окончательно оформилась в 1783—1785 гг.), промежуточной по своему социальному характеру между крестьянами и мастеровыми. Урочники, как и мастеровые, набирались из рекрутов (обычно из крестьян), но не переводились в заводские поселки, а оставались в деревнях приписных крестьян и непосредственно подчинялись волостным правлениям. Задания с указанием срока их исполнения передавались горными конторами урочникам через земских управителей и волостные правления. Условием эксплуатации урочников было сохранение и поддержание их

собственного (крестьянского) хозяйства. Обязанностью урочников было выполнение работ, ранее входивших в состав заводских повинностей приписных крестьян, в частности выжиг угля. Отработав положенное задание (урок), урочники могли заниматься своим сельским хозяйством. Администрация, определяя размер уроков, должна была заботиться и о выделении урочникам времени для ведения их собственного хозяйства

В середине 1790-х гг. на Алтае числилось 1144 урочника, в том числе 957 угольщиков, 104 дроворуба, 45 дровозов, 38 рудозов. Самой многочисленной группой, таким образом, были угольщики, каждый из которых был обязан за летний период сложить, одернить, осыпать, выжечь и разломать 3 20-саженные кучи, за что он получал 36 руб. (по 12 руб. с кучи). Дроворубы должны были вырубать по 30 куб. сажен дров за год и получали за свой труд плату наравне с приписными (они же должны были заготавливать камень для кладки плавильных печей и лес для строительства). Дровозы занимались доставкой дров к печам, не требовавшим угля. Рудозы доставляли руду из тех мест, куда было невыгодно отправлять крестьян в порядке отработки заводской "барщины" или вольнонаемных. Оплата труда урочников определялась степенью выполнения ими урока, т.е. была сдельной. Рудозы и дровозы должны были содержать по несколько лошадей для ведения собственного хозяйства и транспортировки заводских грузов⁹.

Непременные работники

В ходе ликвидации института приписного крестьянства на Урале появилась новая категория постоянных работников — "непременные работники" (с 1847 г. назывались урочнорабочими на казенных предприятиях), статус и обязанности которых определялись "Положением" 15 марта 1807 г. (Высочайше утвержденный доклад министра финансов гр. Васильева "О наполнении горных заводов хребта Уральского мастеровыми и рабочими людьми, также непременными работниками в замене приписных к оным крестьян"). По закону приписные крестьяне обязывались выделить "непременных работников" из своего состава (по 58 человек из 1000). "Непременные работники" должны были переселиться на заводы и стать постоянными рабочими; выполнять работы по заготовке и перевозке заводских припасов, которые ранее исполнялись приписными крестьянами. Приписные крестьяне должны были собрать значительную сумму денег, чтобы снабдить "непременных" всем необходимым — одеждой, домами, лошадьми.

Таким образом, по букве закона "непременные работники" входили в постоянный персонал предприятий и были близки по своему социальному положению "мастеровым и работным людям". В действительности положение "непременных работников" существенно разнилось

на различных предприятиях и, по крайней мере на некоторых, иногда мало отличалось от положения крестьян. Так, "непременные работники" Екатеринбургского и Камско-Воткинского округов были приписаны к заводам целыми селениями, жили не в заводских поселках, а в 28 "селах и деревнях" Екатеринбургского и в 83 "селениях" Воткинского округа, при этом "удерживая за собой все ценные и сенокосные и другие угодья". Однако на протяжении первой половины XIX в., по мнению нижнетагильского исследователя Е.Г. Неклюдова, происходило расширение заводских обязанностей "непременных работников", взаимное сближение производственных функций и постепенное стирание юридических граней между мастеровыми и "непременными работниками"¹⁰.

Подзаводские крестьяне

Одним из главных способов обеспечения частных заводов рабочей силой являлось использование принудительного труда крепостных крестьян. Предприятия, обладавшие таким феодально-крепостническим резервом как крепостные, получали определенные конкурентные преимущества, имели дополнительную возможность снизить себестоимость продукции за счет усиления натуральных элементов хозяйства, сокращения денежной оплаты труда, применения барщины на вспомогательных работах. Подобная возможность имела особое значение для некоторых частновладельческих предприятий Урала в первой половине XIX в. в условиях ухудшения экономической конъюнктуры¹¹. Следствием развития частной горнометаллургической промышленности на Урале стал некоторый механический прирост крепостного контингента.

Если в петровскую эпоху правительство ориентировало заводовладельцев на использование вольнонаемного труда, то в середине XVIII в. был взят курс на максимальное использование принудительного труда. Распоряжением Берг-коллегии (сентябрь 1752 г.) заводчикам повелевалось стараться покупать крепостных крестьян и таким образом освободиться от приписных, необходимых для обеспечения казенных заводов. Именно в 1750-е гг. имели место массовые переселения крепостных на заводы, а также перевод их из вотчин. Крестьян покупали в разных губерниях, но большинство (семьями, иногда целыми деревнями) приобреталось у помещиков Среднего Поволжья. Широкое распространение покупка крепостных получила на Южном Урале, где за 1744—1762 заводовладельцы Твердышев и Мясников приобрели для 10 заводов 6849 душ м.п. владельческих крестьян. Из них мастеровыми становилось менее 1/3, остальные использовались на вспомогательных работах¹².

Механический прирост крепостного населения за счет принудительных миграций имел место и в более поздний период. Так, массовые

переселения на заводы купленных и переведенных из европейских вотчин Демидовых крепостных крестьян были характерны для Нижне-Тагильского горного округа, положили начало большей части заводских поселков и деревень, способствовали превращению отдаленного, слабозаселенного края в один из крупных промышленных районов Урала. В течение 1761—1858 гг. в заводские поселки и деревни Нижне-Тагильского округа было переселено 8915 рев. душ (около 18 тыс. чел.), в т.ч. 5441 рев. душа за 1827—1850 гг.¹³

Владельческие (крепостные) крестьяне, труд которых был связан с деятельностью горнометаллургических предприятий, но основным источником их существования все же оставалось собственное крестьянское хозяйство, получили наименование подзаводских. В середине XIX в. они составляли на Урале значительную долю вотчинных крестьян. В 1858 г. в Пермской губернии числилось 124364 души подзаводских крестьян, а во владельческих округах Оренбургской губернии их насчитывалось 5200 чел.¹⁴ Подзаводские крестьяне, как и приписные, привлекались к работе на предприятиях принудительно; причем и профиль заводских работ, выполняемых двумя этими группами крестьян, был сходен — это преимущественно вспомогательные заводские работы: участие в заводской строительстве, рубка дров, выжиг древесного угля, добыча руды, перевозка угля, руды и других материалов и продуктов. Но в отличие от приписных крестьян подзаводские работали только на частновладельческих предприятиях своих хозяев. Государство практически не вмешивалось во взаимоотношения заводовладельцев и подзаводских крестьян, поэтому объемы и характер заводской повинности подзаводских крестьян могли существенно варьировать по различным заводам. Заводовладелец — в зависимости от заводских потребностей и экономической конъюнктуры — мог переводить в подзаводские крестьяне большее или меньшее число своих крепостных крестьян; он мог также набирать из своих крестьян большее или меньшее количество постоянной рабочей силы для завода. Так, в вотчинном имении Всеволожских в 1796 г. число постоянных заводских работников составляло около 1500 душ м.п. (около 15% всех рев. душ имения), а в 1842 г. население этой группы достигало уже 5780 душ (38,9% всех рев. душ). Количество же крестьянского населения вотчины за данный период почти не увеличилось: 1796 г. — 8700-8800 душ; 1842 г. — 9094 души м.п. Причиной столь неравномерного роста различных категорий населения вотчины было то, что за счет крестьян пополнялись постоянные заводские кадры.¹⁵

В одних вотчинах подзаводские крестьяне выполняли исключительно заводские посылочные повинности (заводскую барщину), в других заводская барщина сочеталась с денежным или натуральным оброком. Объем заводских повинностей мог определяться различными спосо-

бами: например, количеством дней, которое требовалось отработать в течение года на заводе (150—250 дней), или суммой работ определенной стоимости (в денежном выражении). Характерно, что во владельческих имениях Урала, как и в Европейской России, использовалась в качестве единицы измерения объема повинностей не абстрактная ревизская душа, а более реальное тягло (т.е. семейная пара в возрасте 16/18—45/55 лет)¹⁶.

Социальная дифференциация деревни

Исследователи единодушно признают наличие имущественного неравенства и социального расслоения в уральской и алтайской деревне. При этом отмечается интенсификация во времени этих процессов, достигших существенного масштаба в первой половине XIX в.¹⁷ Не отрицается влияние горнозаводского производства на социальную дифференциацию в аграрном окружении. Гораздо сложнее ответить на вопрос, какой вклад именно промышленные центры внесли в эти процессы.

Во-первых, аграрная среда изучаемых регионов находилась в орбите действия не только горнозаводской промышленности, но и других факторов, которые могли как ускорять, так и замедлять указанные процессы: налогово-фискальная и сословная политика государства; развитие городов, коммуникаций, местных и региональных рынков; совершенствование агрикультуры, имманентный прогресс сельского хозяйства и т.д.

Во-вторых, воздействие промышленных центров на социальную структуру деревни во многом опосредовалось фактором пространства, расстояния между заводами и рудниками и крестьянскими селениями. Особенно жестко это опосредование осуществлялось применительно к приписной деревне, население которой принудительно интегрировалось в промышленное производство. Под воздействием заводских центров происходила дифференциация крестьянства в пространственном аспекте, социальная эволюция крестьянских хозяйств приобретала региональные и локальные особенности. Селения, расположенные недалеко от заводов, скорее выигрывали от такого соседства, получая возможности для сбыта собственной продукции, дополнительных заработков. Иным было положение селений, расположенных на расстоянии 150—300 и более верст от заводов (на Урале на рубеже XVIII—XIX вв. в этой группе приписных селений проживало около 80 тыс. душ, около 30% уральских приписных; на Алтае в 1781 г. в наиболее удаленных селениях — на расстоянии 130—800 верст от заводов — проживало 19780 рев. душ, т.е. 51% общего количества крестьян Колывано-Воскресенского горного ведомства). Их жители только на переходы затрачивали от 12 до 30 и более дней. Для большинства этих крестьян главным источником существования оставалось сельское хозяйство, а

отрыв от него для выполнения заводских отработок наносил ощутительный урон их бюджету, а порой был просто разорительным.

Таким образом социальная дифференциация деревни под воздействием заводских центров получала пространственную специфику. Так, например, на Алтае в первой половине XIX в. южные волости, расположенные вблизи от заводов, заметно увеличивали свое благосостояние, выделяли в большей степени богачей-предпринимателей; северные, удаленные от заводов волости в большом количестве выделяли предпролетариат. Показательно и то, что наиболее активные и массовые выступления крестьянства имели место именно в северных волостях Колывано-Воскресенского (Алтайского) ведомства. Как отметил Г.П.Жидков, "процент "нетчиков" на севере был вдвое выше, чем на юге. Все известные из источников коллективные жалобы и волнения, подававшиеся силой, за одним исключением, имели место только на севере"¹⁸. В-третьих, горнозаводское производство оказывало заметное воздействие на внутриобщинную дифференциацию крестьянства. Однако это влияние носило сложный, неоднозначный, разновекторный характер. Предъявляя спрос на продукцию аграрного производства, промыслов, на свободные рабочие руки (вольный крестьянский труд всегда применялся в горнозаводском производстве Урала и Западной Сибири; а с конца XVIII в. в связи с законодательным ограничением использования приписных на заводах, а затем и ликвидацией приписной системы на Урале предприятия вообще, вероятно, не могли функционировать без привлечения наемных работников-крестьян¹⁹), уральская и алтайская промышленность несомненно содействовала росту товарности крестьянского хозяйства, его диверсификации; социальной поляризации деревни. Принудительная интеграция деревни в горнозаводское производство, приводившая к усилению прессы внеэкономического принуждения, также ускоряла процессы дифференциации, однако преимущественно в форме расширения прослойки сельской бедноты.

Углублению социальной дифференциации приписной деревни способствовала система "мирского" расклада повинностей. Требования горнозаводских властей Урала и Западной Сибири раскладывать заводские повинности "как можно уравнильнее", не отягощая одних в противовес другим, раскладывать повинности "по состоянию" (зажиточности) и "по занятию" (с учетом запашки, торговых и других промыслов) зачастую не соблюдались. По подсчетам Г.П.Жидкова, при общественном раскладе в трех волостях Рудного Алтая (Усть-Каменогорская, Бухтарминская, Убинская; 1843 г.) на бедняка в среднем приходилась 1,64 "души работы", на среднего крестьянина — 1,63, на богатого — 1,5. Как отмечает Т.С.Мамсик, десятина бедняцкой пашни облагалась в 8 раз, середняцкой в 3, зажиточной семьи в 2 раза больше

налогами, чем десятина хозяйства высшей группы. "Между тем, — продолжает Т.С.Мамсик, — богатый двор получал на десятину пашни дохода в три раза больше, чем семья бедняка. Описанная экономическая ситуация вполне удовлетворяла обуржуазившуюся верхушку сельских кланов. Поэтому она мирилась с припиской и содействовала заводской администрации в приобщении малоимущего населения к земледелию"²⁰.

Однако в изучаемый период действовали факторы, не только ускорившие, но и тормозившие социальную дифференциацию деревни. Так, аграрная политика правительства была направлена на сохранение стабильности приписной деревни и способности крестьянского хозяйства обеспечить выполнение необходимого объема работ на заводах. Подобная "попечительская" роль управленческих структур выражалась в регулярном вмешательстве в хозяйственную жизнь общины, в осуществлении перераспределения земельных угодий в пользу тех дворов, которые выставляли работников, в изъятии отданных в залог бедняками земель и возвращении их старым владельцам, в требованиях горнозаводским начальством покупки за счет мирских средств достаточного количества лошадей для исправного выполнения конных работ сельчанами, в снабжении из этих же мирских сумм неимущих семьями и скотом²¹.

Нивелировке деревни в определенной степени содействовала и получившая широкое распространение на Урале и в Западной Сибири практика наборов постоянных заводских кадров из приписных крестьян "в счет рекрутов". Дело в том, что при проведении подобных наборов забирали преимущественно забирали преимущественно таких, "которые пашен и постоянных крестьянских домов и пожитков не имеют, слоняются по степям и озерам, к хлебопашенству и домоводству не радеют". Зажиточные крестьяне предпочитали откупаться от службы, нанимая рекрутов вместо себя²².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVIII вв. Т. 2: Игры обмена. М., 1988. С. 325—326.

² История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 301, 313; Смирнов С.С. Приписные крестьяне на горных заводах Урала. Челябинск, 1994. С. 31—75; Агапова Т.И. Возникновение и развитие Кабинетского хозяйства на Алтае в XVIII в. // Сибирь XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1962. С. 212—218; Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII веке. Новосибирск, 1965. С. 208—209; Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747—1917 гг.). Новосибирск, 1973. С. 97—116

- ³ ПСЗ. Первое собрание. Т. VII. № 4425; Т. XVIII. № 13303; Т. XX. № 14878; Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1901. Т. 2. С. 308—309.
- ⁴ Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности в России. Промышленная политика и управление. М., 1953. С. 480—481; Орлов А.С. Волнения на Урале в середине XVIII века. М., 1979. С. 56—57.
- ⁵ См.: Жидков Г.П. Экономика кабинетской деревни Западной Сибири накануне реформы // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX вв.). Новосибирск, 1968. С. 217; Савельев Н.Я. К вопросу о роли крестьян в развитии горного производства Колывано-Воскресенских заводов второй половины XVIII в. // Сибирь XVII—XVIII вв.
- ⁶ Семевский В.И. Крестьяне в царствование... С. 405—408.
- ⁷ Мамсик Т.С. Побег как социальное явление. Приписная деревня Западной Сибири в 40—90-е годы XVIII в. Новосибирск, 1978; Она же. Сибирская деревня в 1760—1850-е годы: социальные структуры и социальные конфликты. Дисс. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1992. С. 32—33; Савельев Н.Я. К вопросу о роли крестьян... С. 240—241; Жидков Г.П. Экономика кабинетской деревни... С. 219.
- ⁸ Орлов А.С. Волнения на Урале...; Дело о самозванце Ф.И.Каменщикове-Слудникове. Екатеринбург, 1992; Карпенко З.Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700—1860 годах. Новосибирск, 1963. С. 95—100, 177—180; Жидков Г.П. Кабинетское землевладение... С. 116—126; Мамсик Т.С. Крестьянское движение в Сибири. Вторая четверть XIX века. Новосибирск, 1987. С. 148—153, 178—205; Побережников И.В. Массовые выступления крестьян Западной Сибири в XVIII веке. Новосибирск, 1989; Он же. Прочтение и интерпретация манифеста 1779 г. сибирскими приписными крестьянами Колывано-Воскресенского горного ведомства // Русская книга в дореволюционной Сибири. Читательские интересы сибиряков. Новосибирск, 1990. С. 128—141; ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 134. Л. 195—303; Д. 142. Л. 1—165; Д. 163. Л. 27—215; Д. 276. Л. 2—159; Д. 325. Л. 27—146; Д. 810. Л. 79—561; Ф. 1. Оп. 1 доп. Д. 41. Л. 530—638 об.; Оп. 2. Д. 58. Л. 308—359; Д. 93. Л. 61—434; Д. 150. Л. 89—179.
- ⁹ Карпенко З.Г. Горная и металлургическая промышленность... С. 88—89; Савельев Н.Я. К вопросу о роли крестьян... С. 241; Жидков Г.П. О наемном труде на алтайских заводах в XVIII — первой половине XIX вв. // Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв. Новосибирск, 1965. С. 225—227.
- ¹⁰ ПСЗ. Первое собрание. Т. XXIX. № 22498; Неклюдов Е.Г. К вопросу о численности и составе рабочих казенной горнозаводской промышленности Урала в 30—40 гг. XIX в. // Рабочие горнозаводской промышленности Урала в дореформенный период. Свердловск, 1987. С. 27—47.

- ¹¹ Сметанин С.И. Феодалные и капиталистические резервы горнозаводского хозяйства первой половины XIX века (Экономический анализ) // История СССР. 1977. № 1. С. 121—133.
- ¹² История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 316; Черкасова А.С. Мастерские и работные люди Урала в XVIII в. М., 1985. С. 99—100.
- ¹³ Гуськова Т.К. Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX века. Екатеринбург-Нижний Тагил, 1995. С. 133—135.
- ¹⁴ Горовой Ф.С. Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961. С. 95.
- ¹⁵ Мухин В.В. Рабочая сила на предприятиях уральской горнозаводской вотчины Всеволожских в первой половине XIX века // Из истории рабочего класса и крестьянства Пермского края. Пермь, 1965. С. 24—27.
- ¹⁶ Горовой Ф.С. Падение крепостного права ... С. 95—103.
- ¹⁷ Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья в XVII—XVIII веках. Ч. II: Экономика и положение крестьян. Челябинск, 1969. С. 228—235; Томсинский С.М. Расслоение уральской деревни в связи с развитием мануфактуры (первая половина XVIII в.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1968 г. Л., 1972. С. 141—147; Плющевский Б.Г. Имущественное и социальное расслоение крестьянства губерний "Большого Урала" в 1-й половине XIX века // Проблемы социально-экономического развития Среднего Поволжья в период феодализма. Казань, 1986; Он же. Крестьянский отход и расслоение русской деревни в предреформенный период (1830—1850) // Вопросы аграрной истории Урала. Свердловск, 1975. С. 68—81; Горовой Ф.С. Падение крепостного права... С. 54—67; Жидков Г.П. О наемном труде на Алтайских заводах... С. 223—227; Миненко Н.А. Развитие феодальных отношений и генезиса капитализма в Сибири (конец XVI — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1988. С. 82—85; Мамсик Т.С. Социально-экономическое развитие приписной деревни Западной Сибири накануне реформы 1861 года // Социально-политические институты провинциальной России (XVI — начало XX веков). Челябинск, 1993. С. 112—133.
- ¹⁸ Боровой С.Я., Жидков Г.П., Кахк Ю.Ю., Козловский П.Г. и др. К вопросу о зависимости интенсивности и форм антифеодальной борьбы крестьянства от основных тенденций развития феодальной экономики и степени эксплуатации крестьян // Тез. Девятой (Таллинской) сессии симпозиума по аграрной истории. М., 1966. С. 10—12; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 269; Савельев Н.Я. К вопросу о роли крестьян... С. 231—232; Смирнов С.С. Приписные крестьяне на горных заводах Урала... С. 83—84, 102—104
- ¹⁹ Кривоногов В.Я. Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в XVIII веке. Свердловск, 1959; Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в дореформенное время. Свердловск, 1964; Павленко Н.И. Наемный труд в металлургической промышленности России во второй половине XVIII в. // Вопросы истории. 1958. № 6. С. 46—58; Он же.

- Принудительный и наемный труд в металлургии России второй половины XVIII в. (по материалам ведомостей Берг-коллегии) // Из истории рабочего класса и революционного движения. Памяти акад. А.М.Панкратовой. М., 1958. С. 101—112; Жидков Г.П. О наемном труде на Алтайских заводах...; Громыко М.М. К вопросу о социальной сущности заводов Западной Сибири в XVIII в. // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 94—95.
- ²⁰ Жидков Г.П. О наемном труде на Алтайских заводах... С. 223—227; Мамсик Т.С. Сибирская деревня в 1760—1850-е годы... С. 33.
- ²¹ Смирнов С.С. Аграрная политика правительства по отношению к приписной деревне Урала в XVIII — начале XIX века // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. XXIV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тез. М., 1994. С. 30—31; Он же. Приписные крестьяне на горных заводах... С. 104.
- ²² Громыко М.М. К вопросу о социальной сущности заводов... С. 88; Жидков Г.П. О наемном труде на Алтайских заводах... С. 227—228; Смирнов С.С. Приписные крестьяне на горных заводах... С. 87.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Взаимосвязь между промышленным развитием и сельским хозяйством всегда была любимой темой сторонников теорий развития (теории “экономического роста”, модернизации, индустриализации). При этом обращалось внимание на влияние уровня развития аграрного сектора экономики, производительности труда в сельском хозяйстве на издержки в промышленности, на формирование реальной заработной платы и прибыли, выделялась проблема спроса на промышленные товары. В целом сторонниками теорий развития признается стратегическое значение сельского хозяйства для промышленного развития и экономического роста, а также то, что промышленные предприятия обуславливают перемены в аграрном секторе¹. Есть основания предполагать, что именно взаимоотношения между промышленностью и деревней являлись одним из наиболее важных факторов, определивших специфику российского перехода от традиционного к индустриальному обществу, доиндустриальной стадии российской модернизации (позволившей перейти от естественных производительных сил, когда преобладало индивидуальное аграрное и ремесленное производство к общественным с доминированием мануфактуры, кооперации)².

Аграрный сектор оказался существенным фактором промышленного подъема и экономического роста на Урале и в Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX вв. Интеграция аграрного окружения изучаемых регионов в горнозаводское производство осуществлялось как принудительно, так и естественным, спонтанным путем. Причем со временем соотношение этих двух способов менялось в пользу второго.

Принудительный труд приписных и крепостных крестьян не находился в прямой зависимости от эффективности аграрных отраслей крестьянского хозяйства. Государство или заводовладелец определяли количество рабочей силы, необходимой для выполнения заводских работ, а община разверстывала общий объем работ среди однообщественников. Косвенное воздействие успешной деятельности в сельскохозяйственной сфере могло проявляться лишь в том, что зажиточный крестьянин позволял себе найм работника для выполнения заводских повинностей, дабы не отвлекаться самому от земледельческих занятий.

На протяжении XVIII — первой половины XIX в. для выполнения заводских работ привлекались и вольнонаемные работники практически из всех сословно-правовых групп крестьян, хотя наибольшую часть их составляли государственные крестьяне (как более свободные и наиболее многочисленные на Урале и Алтае). В сфере наемного труда желание/нежелание работать на заводе было гораздо теснее связано с успехами/неуспехами аграрной отрасли крестьянского хозяйст-

ва. Крестьянина принуждала обратиться к заводской работе невозможность прокормить себя за счет сельскохозяйственного труда, оплатить государственные или владельческие налоги/повинности, необходимость найти применение избыточным людским ресурсам, желание получить дополнительные денежные средства для совершенствования агрикультуры и т. д.

Горнозаводская промышленность Урала и Алтая оказывала заметное влияние на хозяйственный уклад крестьянства, стимулировала развитие аграрного производства, диверсификацию крестьянского хозяйства, проникновение товарно-денежных отношений в деревню. Тормозящая роль промышленности сказывалась в первую очередь в том, что через систему приписки из деревни принудительно изымались значительные трудовые ресурсы, которые могли быть применены в аграрном секторе.

Становление горнозаводской промышленности сопровождалось изменениями в структуре местного крестьянства. Важнейшее из этих изменений состояло в появлении особой категории приписных крестьян (а на Урале также подзаводских крестьян). Промышленность стимулировала механические передвижения населения, в частности принудительные миграции крепостных крестьян на Урал. Промышленные центры оказывали также влияние на процессы социальной дифференциации крестьянства, однако механизмы этого воздействия были сложными и разноректорными.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Например, см.: Муньос О. Экономика и общество в Чили. Разочарования и перемены в ходе исторического процесса // Международный журнал социальных наук. Май 1993. № 1: Америка: 1542—1992. С. 58; Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVIII вв. Т. 3: Время мира. М., 1992. С. 575—581, 608.
- ² См.: Красильщиков В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 44—46; Побережников И.В. Урал в контексте российских модернизаций // Региональная структура России в геополитической и цивилизационной динамике. Екатеринбург, 1995. С. 57—61.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГААК	Государственный архив Алтайского края
ГАНО	Государственный архив Новосибирской области
ГАСО	Государственный архив Свердловской области
ПСЗ	Полное собрание законов
РГАДА	Российский Государственный архив древних актов
РГИА	Российский Государственный исторический архив
ТФ ГАТюО	Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ИЗМЕНЕНИЯ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ УКЛАДЕ КРЕСТЬЯНСТВА	11
ВЛИЯНИЕ ЗАВОДСКОГО ПРОИЗВОДСТВА НА СЕМЬЮ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ДЕРЕВНЕ	25
ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНО-СОСЛОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДЕРЕВНЕ	35
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	47
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	51

Голикова Светлана Викторовна
Миненко Нина Адамовна
Побережников Игорь Васильевич

**ИНТЕГРАЦИЯ АГРАРНОГО ОКРУЖЕНИЯ
В ЗАВОДСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО**
(Урал и Западная Сибирь XVIII — первой половины XIX в.)

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Института истории и археологии УрО РАН

ЛР № 040127 от 16 октября 1991 г.

Подписано в печать 15.11.1995 г. Формат 60×84 1/16.

Усл. печ. л. 3,2. Тираж 200 экз. Заказ № 4707

Банк культурной информации: 6200026. Екатеринбург,
ул. Р. Люксембург, 56. Тел. (3432) 224344; факс (3432) 224230.

Отпечатано в Уральском институте типового проектирования: 620004.
Екатеринбург, ул. Чебышева, 4.